

А. ИСАЕВ,
Н. ГЛУХАРЕВ, О. РОМАНЬКО,
С. ТКАЧЕНКО, Д. ХАЗАНОВ

БИТВА ЗА КРЫМ

1941–1944

2-е издание,
исправленное и дополненное

Подлинная история великих войн

Алексей Исаев

Битва за Крым 1941–1944 гг.

«Яуза»

2021

УДК 94(47+57)"1941/44"
ББК 63.3(2)622

Исаев А. В.

Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. В. Исаев — «Яуза»,
2021 — (Подлинная история великих войн)

ISBN 978-5-04-121991-8

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!

Самое полное, фундаментальное и авторитетное исследование обороны и освобождения Крыма в 1941–1944 гг.! Эта книга основана на документах не только советских, но и немецких архивов, большинство из которых публикуются впервые. Ведущие военные историки подробно, во всех деталях проанализировали операции Вермахта и Красной Армии в Битве за Крым. Отдельно рассмотрены действия советских танкистов, пехоты, артиллерии, партизан, а также боевая работа ВВС и Черноморского флота. От прорыва Эриха фон Манштейна через Перекопские позиции до провала первых штурмов Севастополя. От Керченско-Феодосийской десантной операции, неудачного наступления Крымского фронта до Керченской катастрофы и падения Главной базы Черноморского флота. От длительной немецкой оккупации полуострова до стремительного (всего за месяц) освобождения Крыма победной весной 1944 г., когда наступавшие советские войска потеряли вчетверо меньше оборонявшегося противника. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)"1941/44"
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-04-121991-8

© Исаев А. В., 2021

© Яуза, 2021

Содержание

Глава 1	7
1.1. Оборона Крыма осенью 1941 г. Отступление к Севастополю	7
1.2. Черноморский флот накануне и в начале войны	29
1.3. Авиация при обороне Крыма 1941 г	40
Глава 2	58
2.1 Отражение второго штурма Севастополя	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Алексей Исаев, Николай
Глухарев, Олег Романько, Сергей
Ткаченко, Дмитрий Хазанов
Битва за Крым, 1941–1944 гг. 2-е
издание, исправленное и дополненное**

© Исаев А.В., 2021
© Глухарев Н.Н., 2021
© Романько О.В., 2021
© Ткаченко С. Н., 2021
© Хазанов Д.Б., 2021
© ООО «Издательство «Яуза», 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Крым в начале войны. Оборона Крыма осенью 1941 г

1.1. Оборона Крыма осенью 1941 г. Отступление к Севастополю

Исаев А.В.

Поначалу Крымский полуостров никак не фигурировал в немецком плане войны с СССР, носившем кодовое наименование «Барбаросса». Это, разумеется, не означало абсолютной пассивности германских и румынских вооруженных сил на этом направлении. Первой операцией немцев в отношении Крыма стала попытка блокирования Черноморского флота с помощью неконтактных мин в ночь с 21 на 22 июня 1941 г.

До войны в Крыму находились 156-я, 106-я стрелковые и 32-я кавалерийская дивизии, объединенные в 9-й стрелковый корпус. Корпус по приказу штаба ОдВО в 2.00 ночи 22 июня 1941 г. был приведен в боевую готовность. Как указывается в ЖБД 9-го оск: «Командир корпуса генерал-майор Ф.П. Судаков отдал приказ на перегруппировку и сосредоточение частей корпуса по оборонительным участкам»¹. Соответственно, 106-я сд выдвигается для обороны западного побережья Крымского полуострова на участок Ярылгач, Кача. 156-я сд начинает сосредоточение для обороны южного побережья на участке Ялта, Алушта, Феодосия, Керчь.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 237. Л. 2об.

Командир 9-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант П.И. Батов.

Единственное подвижное соединение в Крыму, 32-я кд, становится резервом корпуса. Следует отметить, что на 22 июня 1941 г. корпус еще не имел наименования «особый» или «отдельный». Переименование в «отдельный» произошло 23 июня, а «особым» он стал 25

июня 1941 г.² На момент начала войны командовать 9-м ск уже был назначен П.И. Батов³, но фактически первые приказы корпусу еще отдавал Ф.П. Судаков⁴.

Неудачи Красной Армии в приграничных сражениях, прорыв так называемой линии Сталина заставили советское командование задуматься о защите рубежей в глубине страны. Директивой Ставки Верховного командования № 00356 от 15 июля 1941 г. предписывалось, в частности, «построить полевые позиции в местах вероятных высадок десантов противника». Соответственно, в Крыму приказывалось строить оборону «в районе Евпатория, Николаевка, Севастополь, Балаклава, Батилиман, м. Кикехеиз, Ялта, Гурзуф, Алушта, Кучук-Узень, Капсикор, Судак, м. Меганом, Феодосия»⁵. Тревожная обстановка на фронтах заставляет изымать войска из глубины страны. Так, 16–18 июля грузится в эшелоны и убывает из Крыма 32-я кд⁶. Взамен П.И. Батов получает неравноценную замену (совсем без подвижных соединений Крым оставлять не решились) в лице облегченной 48-й кд. Тогда же, в середине июля 1941 г., в связи с ухудшением обстановки на Южном фронте впервые поднимается вопрос о защите Перекопского перешейка.

П.И. Батов позднее в мемуарах описал свои впечатления от рекогносцировки Перекопа: «Вскоре перед нами на много десятков километров на север раскинулась ровная, будто прокатанная мощным катком, выжженная южным солнцем степь. Ляжешь, и то издали будешь виден. Самое безрадостное зрелище, особенно когда представляешь это голое пространство как возможную арену военных действий»⁷. Как вспоминает Батов, командир 106-й сд А.Н. Первушин сказал: «Если тут придется воевать, солдату приткнуться негде»⁸.

С началом войны активность советской авиации на Черном море вскоре заставила противника обратить на Крым самое пристальное внимание. Румынские нефтепромыслы в Плоешти после удара советских бомбардировщиков 15 июля 1941 г. пылали 18 часов. Это не было рекордом: после очередного налета нефтеперегонный завод «Униреа» горел трое суток. Помимо Плоешти, летчики ВВС Черноморского флота бомбили Констанцу и устье Дуная. 23 июля в дополнении к директиве Верховного командования вермахта № 33 Гитлер указывал, что «первоочередной задачей... является овладение Украиной, Крымом»⁹. Позднее он высказался более определенно: «Овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет собой большую угрозу румынским нефтяным районам». Перенацеливание части сил группы армий «Юг» на Крым стало частью смены общей стратегии «Барбароссы».

Новый план обороны Крыма был утвержден в начале августа 1941 г. Начались инженерные работы на Перекопском перешейке и в районе Чонгарского моста. 7 августа оборону в районе Турецкого вала заняли батальон 361-го сп и дивизион 498-го гап¹⁰. Меньше чем через неделю, 12 августа, за ними последовали еще два батальона 361-го сп и дивизион 498-го гап, переброшенные в район Армянска. Нельзя не отметить, что это произошло еще до появления на территории Крыма управления 51-й армии (см. ниже). Наконец, 16 августа еще батальон 417-го сп и дивизион 498-го гап направляются на Чонгарские переправы. Накопление войск на подступах к Крыму с севера идет медленно, но верно. Над Армянском и Чонгаром на большой

² ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 237. Л. 30б.

³ Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 7.

⁴ Ф.П. Судаков был назначен командиром 66-го ск 21-й армии.

⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 72.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 237. Л. 49.

⁷ Батов П.И. Указ. соч. С. 21.

⁸ Там же.

⁹ Дашичев В.И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 265.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 237. Л. 85об.

высоте, в том числе ночью с применением осветительных ракет, пролетают немецкие самолеты-разведчики, отмечавшиеся советской службой ВНОС. Война неуклонно приближалась к Крыму.

Выход войск ГА «Юг» на Днепр, на дальние подступы к Крымскому полуострову, заставил задуматься о дальнейшем усилении его обороны. 14 августа 1941 г. директивой Ставки ВГК № 00931 формируется 51-я отдельная армия (на правах фронта), непосредственно подчиненная Ставке. Надо сказать, что в директиве № 00931 было прямо сказано: «Немедленно развернуть с привлечением местного населения инженерные работы по усилению обороны территории полуострова, прочно закрыв в первую очередь пути на полуостров фронтом на север»¹¹. Возглавил 51-ю армию Ф.И. Кузнецов, фактически пониженный с должности командующего Северо-Западным фронтом в Прибалтике. Тем не менее в Прибалтике Кузнецов продемонстрировал самостоятельность принимаемых решений. В состав 51-й армии помимо корпуса П.И. Батова включили свежесформированные 271-ю и 276-ю стрелковые, 40, 42 и 48-ю кавалерийские дивизии. Помимо этого, в Крыму из местных ресурсов (в том числе НКВД) формировались еще четыре дивизии. Первоначально они имели свою, крымскую, нумерацию (с 1-й по 4-ю), позднее получили общеармейские номера.

Принято считать, что советское командование увлеклось противодесантной обороной Крыма и удар на Перекопе оказался неожиданным. Это мнение сильно упрощает реальную ситуацию. Во-первых, в приказе № 1 51-й армии от 17 августа 1941 г., с которого начал свою деятельность в Крыму новый командарм, ясно сказано: «9 ск (106, 156 и 271 сд) с 6.00 21.8.41 оборонять Чонгарский полуостров, Перекопский перешеек и Евпаторийский полуостров во взаимодействии с береговой обороной Черноморского флота»¹². Командиру 9-го ск предписывалось лишь до формирования новых дивизий оставить на евпаторийском побережье полк 106-й сд и батальон 156-й сд в Феодосии. А.В. Басов в своей фундаментальной работе по истории Крыма в ВОВ ошибается, приписывая Ф.И. Кузнецову решение оставить в районе Феодосии и Евпатории 156-ю сд и 106-ю сд целиком, в полном составе¹³. Вновь прибывающую свежесформированную 276-ю сд командующий 51-й армией первоначально как резерв размещал в районах Джанкой, Симферополь, Карасубазар, т. е. в узлах дорог, откуда она могла быть переброшена на угрожаемое направление, причем с явным тяготением к северу Крыма.

Во-вторых, в своем докладе Верховному главнокомандующему о плане обороны Крыма 28 августа 1941 г. Ф.И. Кузнецов прямо писал, что в «ближайшее время крупных морских десантов противник не сможет высадить в Крым с моря»¹⁴ ввиду господства на море Черноморского флота. Более вероятной считалась высадка воздушного десанта, для которого вся равнинная центральная часть Крыма была одной огромной посадочной площадкой. В отношении северного направления (т. е. Перекопа и Чонгара) было четко сказано: «По количеству ожидаемых сил противника оно – самое опасное»¹⁵. Главным критерием при расстановке сил Ф.И. Кузнецовым являлась боеспособность вверенных ему соединений. На оборону Перекопа и прикрытие Сиваша он поставил лучшие дивизии довоенного формирования – 156-ю и 106-ю стрелковые дивизии. Последняя при этом была растянута на фронте в 70 км за Сивашем. 276-я дивизия нового формирования прикрывала Чонгар и Геническ. Остальные соединения 51-й армии, оцениваемые как «слабо сколоченные», получили противодесантные задачи, а кавдивизии стали подвижным резервом. 1 сентября 1941 г. 40, 42 и 48-я кавдивизии приказом

¹¹ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 113.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 2.

¹³ Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1987. С. 33.

¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 371.

¹⁵ Там же. С. 372.

Ф.И. Кузнецова были объединены в конную группу под руководством командира 48-й кд генерал-майора Д.И. Аверкина¹⁶. Крымские дивизии в тот момент не имели в достаточном количестве вооружения и снаряжения, и их боевая ценность была достаточно условной. Кроме того, Ставка и Генштаб требовали «всемерно усилить оборону северного участка, не ослабляя противодесантную оборону полуострова». Собственно, как показала борьба за Крым в последующие периоды, германское командование, несмотря на господство на Черном море, вовсе не чуралось десантных операций локального характера.

Причем Ф.И. Кузнецов в докладе Б.М. Шапошникову признавал, что на Перекопе и Чонгаре уже к его приезду в качестве командующего 51-й армией было четыре батальона, однако «оборона не была подготовлена». Новый командующий сразу же энергично берется за дело. 18 августа следует его приказ, первым пунктом которого идет: «Оборону Чонгарского и Перекопского перешейков строить непрерывно днем и ночью»¹⁷. Далее указывается: «Чонгарский перешеек занять и оборонять 276 сд»¹⁸. Ярче же всего свое отношение к возможным десантам Ф.И. Кузнецов обозначил фразой: «106 сд оборонять малыми силами Евпаторийский полуостров, а два полка этой дивизии иметь вторым эшелоном для действий на Перекопском или Евпаторийском направлениях»¹⁹. Завершает картину настроений Ф.И. Кузнецова фраза «Приказа об отступлении не будет». Также командарм приказывает привлечь для «работы по укреплению севера» 20–25 тысяч человек рабочей силы, в том числе местного населения, и уже 20 августа следует выволочка П.И. Батову за невыполнение этого распоряжения. По мере готовности крымских дивизий Ф.И. Кузнецов полностью нацеливает 106-ю сд в состав первого эшелона обороны входов и выходов Сиваша.

Помимо подготовки обороны Крыма в противотанковом отношении, Ф.И. Кузнецов озабочился усилением 51-й армии танками. Так, еще 14 августа 1941 г. он пишет записку на имя И.В. Сталина, в которой запрашивает средства моторизации и механизации: «В дополнение предназначенных сил и средств в состав 51-й отдельной армии прошу Вашего решения о выделении 25 танков (5 КВ и 20 Т-34), 20 бронемашин, 45 тракторов и 150 грузовых автомашин». Верховный главнокомандующий наложил на записку Ф.И. Кузнецова резолюцию, заметно урезав запрошенное количество по всем позициям: «Можно дать: 20 бронемашин, 12 Т-34, 10 Т-38, 20 тракторов, 100 грузовиков». Вскоре появляется Постановление ГКО № 547 от 22 августа 1941 г. «О выделении бронетехники, тракторов и грузовиков для 51-й отдельной армии». По факту к началу боев в Крыму 51-я армия располагала 10 Т-34 и 56 танкетками Т-37 и Т-38, ранее принадлежавшими 4-му ВДК и вывезенными в Крым для ремонта²⁰. Организационно они объединялись в 5-й танковый полк под командованием майора С.П. Баранова²¹.

К сожалению, ввиду утраты многих документов соединениями, оборонявшими Крым, у нас нет полной картины работ по возведению укреплений на Перекопе. В связи с этим представляет интерес немецкая оценка укреплений, составленная отделом 1с (разведка и контрразведка) 46-й пд как по факту их изучения после захвата, так и на основе трофейных документов советских войск. Изученная немцами система полевых укреплений начиналась на участке дивизии примерно в 10 км севернее Турецкого вала. Больше всего в этом описании впечатляет даже не минное поле с использованием морских мин, а развитая система противотанковых заграждений. Основным ее элементом являлись противотанковые рвы и надолбы, сделанные из стальных балок. Так, в 5 км от передовой рубежа обороны находился противотанковый ров

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 64.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 14.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Моцанский И., Савин А. Борьба за Крым. Сентябрь 1941 г. – июль 1942 г. М.: БТВ-КНИГА, 2002. С. 5.

²¹ Басов А.В. Указ соч. С. 32.

шириной 8 м и глубиной 2–3 м, за которым находилась «линия металлических заграждений длиной 3 м, забетонированных в землю на 1,5 м, расположенных друг от друга на расстоянии 1–1,5 м и связанных переплетенной колючей проволокой»²². В качестве надолбов использовались «монолитные металлические бруски 20х20 или 30х30 см или рельсы». Дорога, проходящая через заграждение, была заминирована и на момент составления описания уже была взорвана с образованием гигантских воронок.

Однако на этом пояс надолбов на Перекопе не ограничивался. Еще через 2 км следовала система заграждений, описанная следующим образом:

«Еще через 2 км противотанковый ров шириной 6,5 м, глубиной 3,5 м с вертикальными стенками. Спустя 100 м пояс металлических заграждений, идентичных описанным выше и опутанных проволокой. В 300 м перед Турецким валом дорога вновь взорвана на протяжении 7 м, глубина воронки 3 м»²³.

Вообще создается впечатление, что на Ф.И. Кузнецова произвели сильное впечатление действия танковых войск вермахта в Прибалтике в первые дни войны, когда он командовал Северо-Западным фронтом. Однако основным противником 51-й армии стали пехотные соединения с тяжелой артиллерией.

Немцам также достался доклад инженерной службы 156-й сд, в котором приводилась статистика по возведенным к 19 сентября 1941 г. укреплениям²⁴:

- готовые противотанковые рвы – 13,52 км;
- вбитые в землю железные балки – 11 441 шт.;
- железобетонные укрепления – 14 шт. (2 строятся);
- оборудованные пулеметные огневые позиции – 14 шт.;
- проволочные заграждения: 1–3 ряда – 14 км, 4–6 рядов – 13,6 км;
- установленные мины различных типов – 13 270 шт.

Собственно, уже тогда начал складываться образ войны в Крыму, с массовым использованием минного оружия. В целом вырисовывается картина достаточно энергичного укрепления Перекопа, по крайней мере, с прибытием в Крым Ф.И. Кузнецова. Причем с явным акцентом на противотанковую оборону.

Однако не следует думать, что противотанковая оборона строилась в ущерб полевой. В вышеупомянутом докладе отдела 1с 46-й пд есть такие слова:

«Между отдельными заградительными линиями находились масштабные, умело оборудованные системы полевых укреплений с пулеметными гнездами и артиллерийскими НП, заглубленными позициями орудий и ПТО, укрытиями для лошадей и техники. Все это было прекрасно замаскировано. Точно так же прекрасно замаскированы и укрыты на местности были укрепления из листовой стали с тяжелыми и легкими пулеметами»²⁵.

²² NARA T315 R932 frame 422.

²³ NARA T315 R932 frame 422.

²⁴ NARA T315 R932 frame 423.

²⁵ NARA T315 R932 frame 423.

Советские «зубы дракона» на Перекопе: противотанковые надолбы из стальных балок (NARA).

Таким образом, сложности возведения оборонительных сооружений, на которые сразу обратил внимание П.И. Батов в ходе совместной с А.Н. Первушиным рекогносцировки Перекопа в июле 1941 г. были в немалой степени преодолены.

Однако серьезнейшей проблемой 51-й армии стало отсутствие армейской артиллерии²⁶. В некотором отношении проблема артиллерии усиления на Перекопско-Чонгарском направлении была скомпенсирована помощью со стороны флота. Батареи 100-, 130-, 152-мм корабельных орудий устанавливались с перекрытием секторов обстрела на всем протяжении рубежа. Часть долговременных сооружений на Перекопе строилась с использованием броневых листов разной толщины. В качестве блиндажей (т. е. без установки артсистем) на Перекопе устанавливались бронебашни с недостроенных кораблей.

Одним из последних решений командующего 51-й армией перед началом немецкого наступления стало образование оперативной группы «для нанесения контрударов» под командованием П.И. Батова (на тот момент – заместителя Ф.И. Кузнецова). В ее состав включались 271-я сд, 3-я кмсд, «мототанкетный полк» и 42-я кд²⁷. Более слабая кавалерийская группа генерала Аверкина тем же приказом нацеливалась в полосу 276-й сд, т. е. на Чонгар. Это было разумное решение, т. к. атака на Крым могла последовать сразу с двух направлений. Командиром 9-го ск был назначен генерал И.Ф. Дашичев.

Однако большой проблемой обороны Крыма являлось то, что 51-я армия располагала одним действительно сколоченным и хорошо подготовленным соединением – 156-й сд. Дивизия генерал-майора П.В. Черняева к сентябрю 1941 г. представляла собой своего рода реликт довоенного формирования, продукт амбициозного предвоенного строительства Красной Армии. Перед началом боев за Крым она насчитывала 15 871 человека, 16 танкеток, 13 броневых автомобилей, 7319 обычных винтовок и карабинов и 3080 автоматических (СВТ), 167 станковых пулеметов, 397 ручных пулеметов, 1321 ППД²⁸. Два артиллерийских полка (характерных для соединений довоенного формирования) вооружались 34 76-мм дивизионными

²⁶ Саркисьян С.М. 51-я армия: Боевой путь 51-й армии. М.: Воениздат, 1983. С. 23; Боевой состав Советской армии. Часть I (июнь-декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1960. С. 44.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 104.

²⁸ NARA T314 R1364 frame 956 (немецкий перевод трофейного документа, фонд 156-й сд в Центральном архиве Министерства обороны полупустой).

пушками, 12 152-мм и 32 122-мм гаубицами²⁹. В последующем мало кто из сражавшихся за Крым соединений мог похвастаться таким уровнем укомплектованности вооружением и его качественным составом. Более характерными для Красной Армии осени 1941 г. и зимы 1941/42 г. являлись новые формирования по сокращенным штатам.

Вполне очевидно проблемы свежесформированных соединений проявились 15 сентября, когда прикрывавшая чонгарское направление 276-я стрелковая дивизия генерал-майора И.С. Савинова была неожиданно атакована немцами в районе Сальково, Ново-Алексеевки и Геническа. Произошло это ввиду пренебрежения боевым охранением, вследствие чего копавшие окопы подразделения фактически оказались застигнуты врасплох. Немцы (по немецким данным, Сальково атаковали подразделения бригады СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»³⁰) внезапно атаковали станцию Сальково, захватив эшелон с тракторами и автомашинами, предназначавшимися для 51-й армии. Станция в итоге была отбита контратакой 16 сентября, но удерживать ее уже не стали. От дивизии оказался отрезан батальон 876-го сп с батареей 852-го ап, оборонявшиеся в районе станции Ново-Алексеевка, Ново-Гродок. В сентябре, по горячим следам событий, они считались уничтоженными. Позднее выяснилось, что этот отряд потерял около 50 человек убитыми и ранеными, отошел на северо-восток, где вошел в состав 218-й сд 9-й армии³¹.

Еще один снимок стальных «зубов дракона», показывающий действие артиллерийских снарядов на балки. Два «зуба» частично разрушены. Также видно, что они оплетены колючей проволокой (NARA).

В последующие несколько дней немецкому командованию удалось скрытно сосредоточить силы для удара по позициям на Перекопе, и начавшееся утром 24 сентября наступление стало в какой-то мере неожиданностью. Вечерняя разведсводка штаба 51-й армии от 23 сентября гласила: «Противник, продолжая прикрываться на крымском направлении, проявляет главные усилия на мелитопольском направлении». Однако в действительности против Крыма уже был сосредоточен LIV армейский корпус немецкой 11-й армии, которую на тот момент возглавлял Э. фон Манштейн. Самостоятельных механизированных соединений у Манштейна не было, но заботы Ф.И. Кузнецова о противотанковом оборудовании Перекопского перешейка были не напрасными: в состав LIV АК включался 190-й батальон штурмовых орудий³².

²⁹ Ibid, frame 957.

³⁰ NARA T312 R367 frame 7942436 (карта).

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 104.

³² Куровски Ф. Штурмовые орудия вперед! «Штурмгешютце» в бою. М.: Яуза-пресс, 2011. С. 105.

По первоначальному плану немецкого командования предполагался прорыв LIV АК через Перекоп на Симферополь с последующим вводом в Крым XXXXIX горного корпуса в направлении на Керчь³³. Однако, как пишет Манштейн в мемуарах, подготовка к атаке на Перекоп затянулась из-за трудностей с подвозом. Тем не менее, вышедшие на подступы к перешейку части получили возможность изучить советскую оборону, по крайней мере, визуально.

Немецкие войска обладали необходимым численным перевесом в живой силе (один стрелковый батальон первой линии 156-й сд подвергся атаке пяти-семи немецких пехотных батальонов) и сильной артиллерийской группировкой. В ее составе были и тяжелые 305-мм мортиры для разрушения укреплений, и дальнобойные 150-мм пушки для борьбы с артиллерией, в том числе батареями морских пушек. Поддержать войска на Перекопе огнем артиллерии крупных боевых кораблей Черноморского флота не представлялось возможным ввиду мелководья.

Наступление LIV АК на Перекоп началось 24 сентября 1941 г. В первом эшелоне корпуса генерала Хансена на тот момент находились две дивизии. На правом фланге наступала 73-я пд, на левом – 46-я пд. Артиллерийская подготовка началась в 4.30 утра берлинского времени. Позднее в отчете о действиях³⁴ 213-го пп подполковника Хицфельда (73-я пд) указывалось: «Первое вклинение прошло хорошо и без особого сопротивления, поскольку противника удалось застать совершенно врасплох. Саперы немедленно обнаружили минные поля, быстро проделали в них и в проволочных заграждениях необходимые проходы»³⁵. Следует отметить, что сильной стороной пехоты вермахта было использование тактики штурмовых действий, отработанной в конце Первой мировой войны.

Однако после успеха первого натиска немецкое наступление начало буксовать. Наступающим германским частям оказывается ожесточенное сопротивление. В отчете о действиях 213-го пп описывается процесс штурма: «На этой исключительно сильной позиции³⁶ находился исключительно упорно и ожесточенно обороняющийся противник, оборонявший каждое укрепление до последнего. Большинство очагов сопротивления удавалось ликвидировать только после полного уничтожения их гарнизона. Благодаря изобилию поворотов конструкции ходов эффективность оружия значительно снижалась. Чтобы ликвидировать единственный ДОТ, в одном случае потребовалось затратить 45 ручных гранат, несколько подрывных зарядов и полный заряд одного огнемета. Пленных, которых мы высылали вперед, чтобы убедить гарнизон ДОТа сдаться, русские застрелили»³⁷.

Сильным противником показала себя советская артиллерия, автор отчета 213-го пп особо это отмечает: «Большие потери наносил мощный и очень гибкий артиллерийский огонь противника. С южного вала Татарского рва вражеские артиллерийские наблюдатели, как выяснилось позднее, имели отличный обзор»³⁸. Это стало характерной чертой боевых действий в Крыму, опора советской обороны на артиллерию (что будет показано далее).

³³ NARA T312 R355 frame 7929287.

³⁴ Отчет о действиях (Gefechtsbericht) – одна из форм отчетных документов в вермахте, представлявшая собой описание в повествовательной форме прошедших боевых действий. Чаще всего писался по горячим следам событий. Представляет большой интерес, т. к. содержит оценки происшедшего и мотивировку принятых решений, а также статистические данные, не всегда присутствующие в очередных донесениях. Отчеты о действиях писались на всех уровнях, от роты до армии. Целью отчетов было накопление боевого опыта. Отчет 213-го пп имеет исключительную важность для оценки происшедшего на Перекопе, т. к. содержит информацию не только о достижении целей, но и о том, как они были достигнуты.

³⁵ NARA T315 R1068 frame 795.

³⁶ Оценки советской обороны в отчете в целом совпадают с вышеупомянутыми данными 46-й пд. В частности, сказано: «Отдельные очаги сопротивления находились в большинстве случаев на обратных склонах, были хорошо заглублены и связаны между собой траншеями глубже человеческого роста».

³⁷ NARA T315 R1068 frame 795.

³⁸ Ibid, frame 796.

П.И. Батов в позднем издании своих мемуаров писал: «Ветераны обороны Перекопа просили при переиздании книги воспоминаний подчеркнуть большую роль артиллеристов 156-й дивизии как гаубичного, так и пушечного полков»³⁹. С этим трудно не согласиться. Начарт 156-й сд полковник Г.В. Полуэктов построил эффективную систему огня, трудности преодоления которой отмечают немцами. Также в приводимых Батовым воспоминаниях артиллеристов показываются простые, но действенные приемы боевой работы: «У огневигов предполагаемые цели были заранее пристреляны, а данные пристрелки записаны на щитах каждого орудия». Однако немецкая авиация и артиллерия постепенно вскрывали позиции советских орудий и выбивали артиллерию дивизии генерала П.В. Черняева.

С большим трудом наступающей немецкой пехоте удалось выйти ко второму противотанковому рву перекопских позиций. Относительные успехи дня, как прямо говорится в отчете 213-го пп, «были куплены чудовищными потерями (430 человек)». В целом за первый день наступления 46-я пд потеряла 71 человека убитыми, 9 пропавшими без вести и 249 ранеными, 73-я пд – 201 человека убитыми, 11 пропавшими без вести и 558 ранеными⁴⁰. Это были весьма тяжелые потери для одного дня боевых действий. 156-я сд сражалась, как это полагается кадровому соединению – профессионально, стойко и мужественно.

На следующий день штурм советских позиций был возобновлен. Стальные надолбы подрывались немецкими саперами, чтобы пропустить штурмовые орудия (противотанковая направленность обороны Перекопа все же сыграла свою роль). Приданный 213-му пп II батальон 170-го пп встретил в своей полосе столь мощный узел советской обороны, что сумел справиться с ним только после нескольких атак и при помощи штурмовых орудий. В некоторых ротах 213-го пп осталось всего по 20–30 человек. К вечеру немецкие части вышли к Турецкому валу, но, как указывается в отчете 213-го пп, «весь подготовленный инженерный материал»⁴¹ был разбит артиллерией противника и частично погиб⁴². Соответственно, от ночной атаки на вал и ров пришлось отказаться. Ночью немцам только удалось подобраться к заграждению перед Татарским рвом и подготовить в нем проходы. Одновременно отказ от ночных действий позволяет немецкой артиллерии при свете дня осуществить пристрелку вала. За 25 сентября 46-я пд потеряла 41 человека убитыми, 11 пропавшими без вести, 250 ранеными, 73-я пд – 32 убитыми, 64 пропавшими без вести и 224 ранеными⁴³.

Вместе с тем нельзя сказать, что советское командование бездействовало. Для усиления 156-й стрелковой дивизии изымались отдельные, наиболее боеспособные подразделения из формируемых соединений. Из оборонявшей Сиваш 106-й дивизии был изъят один полк и выдвинут для усиления позиций на Перекопе.

26 сентября 1941 г. стало решающим днем в борьбе за позиции на Перекопе. На время утренней артподготовки выдвинутые к валу авангарды частей 73-й пд оттягиваются назад. Так же как указывается в отчете 213-го пп (с опорой на показания советских пленных), оборонявшие Татарский вал советские подразделения «во время артподготовки отошли за южный склон вала»⁴⁴. Это позволяет немецким штурмовым группам после окончания артподготовки выполнить бросок вперед (заграждения перед рвом уже сняты) «добиться внезапного вклинения, сперва на фронте 400–500 метров»⁴⁵. Овладев участком вала, немецкие пехотинцы двигаются дальше на юг.

³⁹ Батов П.И. Указ. соч. С. 66.

⁴⁰ NARA T314 R1340 frame 772 (окончательные данные с поименными списками потерь офицеров).

⁴¹ Имеются в виду штурмовые и веревочные лестницы, заранее заготовленные для преодоления рва и вала в немецких частях.

⁴² NARA T315 R1068 frame 797.

⁴³ NARA T314 R1340 frames 774, 775 (с учетом дополнительного донесения).

⁴⁴ NARA T315 R1068 frame 797.

⁴⁵ Ibidem.

Здесь атакующие выходят на позиции советской артиллерии, 213-м пп заявляется о захвате батареи 152-мм гаубиц. Занятый южнее вала плацдарм немедленно закрепляется. Как указано в отчете о действиях 213-го пп, «противотанковые пушки и пехотные орудия были разобраны на части и с помощью канатов переправлены через ров. С их помощью удалось отразить последовавшую вскоре танковую атаку и удержать плацдарм»⁴⁶. Есть все основания утверждать, что именно внезапное преодоление Турецкого вала утром 26 сентября заставляет советское командование лихорадочно стягивать резервы и наносить контрудар.

Тем временем немцы расширяют захваченный плацдарм. Западная оконечность Турецкого вала была особенно серьезно укреплена и занята крупными силами советских войск. Борьба с ними потребовала серьезных усилий, в том числе использования 240-мм гаубиц. Захват участка вала до Перекопского залива позволяет немцам переправить к югу от вала штурмовые орудия и артиллерию. Это качественно изменяет ситуацию в пользу немецкой пехоты.

П.И. Батов вспоминал: «У меня был такой план: нанести контрудар войсками оперативной группы с рубежа развертывания – Пятихатка, Филатовка, Карпова балка силами 42-й кавалерийской, 271-й стрелковой дивизий, полков Федорова⁴⁷ и Юхимчука⁴⁸»⁴⁹. В контрударе также участвовал 5-й танковый полк. Негативно сказалось на организации контрудара выдвижение назначенных для его проведения частей в дневное время (после поступления информации о прорыве через вал).

К сожалению, к моменту начала контрудара группы П.И. Батова немецкий плацдарм к югу от Турецкого вала уже был укреплен и получил поддержку артиллерии и штурмовых орудий. Это обусловило общую неудачу контрудара. В ходе контрудара, пытаясь поднять за танками залегшую пехоту, погиб начальник автобронетанкового отдела 51-й армии генерал-майор С.В. Борзилов, опытный танковый командир Красной Армии⁵⁰. Вместе с тем нельзя не отметить, что 27 сентября потери немцев также резко подскакивают вверх: 46-я пд теряет 26 человек убитыми, 4 пропавшими без вести и 110 ранеными, 73-я пд – 67 убитыми, 267 ранеными⁵¹. Выше были только в разгар штурма советских позиций в первый день наступления.

В отечественной литературе часто утверждается, что прорыв через Турецкий вал был осуществлен крупными силами немцев, «введя в дело свежие части 22-й и 170-й пехотных дивизий»⁵², но это не подтверждается немецкими документами, в частности рабочей картой 11-й А за 29 сентября 1941 г.⁵³

Прорыв позиций на Перекопе вызвал большое беспокойство в Москве. Уже утром 27 сентября начальник Генерального штаба КА маршал Б.М. Шапошников запрашивает командование 51-й армии: «Донести Ставке Верховного главнокомандования, чем объясняется столь быстрая потеря Турецкого вала»⁵⁴. Также Б.М. Шапошников интересовался вопросом проведения контрударов, которые еще фактически не начинались.

Однако штурм немцами Перекопа оказался остановлен ввиду перехода советских войск Южного фронта в наступление под Мелитополем. Э. фон Манштейн писал в мемуарах: «Наме-

⁴⁶ Ibid, frame 799.

⁴⁷ 442-й сп полковника С.А. Федорова из Юб-й сд.

⁴⁸ 417-й сп 156-й сд полковника А.Х. Юхимчука.

⁴⁹ Батов П.И. Указ. соч. С. 78.

⁵⁰ Там же. С. 89.

⁵¹ NARA T314 R1340 frame 776.

⁵² Басов А.В. Указ. соч. С. 53 и др.

⁵³ NARA T312 R367 frame 7942489.

⁵⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 207.

рение же командования армии подтянуть к этому моменту свежие силы – горный корпус и лейб-штандарт⁵⁵ – было сорвано противником»⁵⁶.

Тем не менее передышка, обеспеченная действиями Южного фронта, позволила 51-й армии отойти на Ишуньские позиции в озерных дефиле. Теперь 9-й ск И.Ф. Дашичева (276, 106, 271-я сд) отвечал за позиции на Чонгарском полуострове, Сиваше и на фронте Уржин, оз. Красное. Оперативная группа Батова (156-я, 172-я сд, группа Аверкина, 40-я, 48-я кд) занимала собственно Ишуньские позиции. Доставившая немцам немало неприятностей на Перекопе 156-я сд к тому моменту уже была не в лучшей форме. Взятый в плен позднее командир 156-й сд полковник А.И. Данилин⁵⁷ высказывался о состоянии соединения на допросе следующим образом: «156-я сд после боев у Перекопа была пополнена новобранцами с Кавказа и из Крыма. 20 % стариков, остальные едва обучены. Численность дивизии на 30.10 составляла около 6000 человек. Артиллерия хороша и полностью боеготова, пехота устала от боев».

Одновременно резкое осложнение обстановки в Крыму заставило Ставку ВГК принять трудное решение об эвакуации из Одессы Приморской армии. Первоначально задачей армии по прибытии в Крым было усиление обороны Чонгарского перешейка, Ишуньских позиций и недопущение продвижения противника в глубь полуострова.

Долгосрочные цели и задачи войск Манштейна на тот момент определяла Директива № 10 «О продолжении операции «Барбаросса» в Крыму и на Дону» командования ГА «Юг» от 20 октября 1941 г. Она гласила: «11-я А с подчиненной ей 3-й румынской А должна уничтожить находящиеся в Крыму силы противника, занять территорию полуострова и как можно скорее после этого сосредоточить силы (управление корпуса и 3 дивизии) в районе Керчи для переправы через Керченский пролив и наступления на Туапсе и Краснодар»⁵⁸.

Если для прорыва на Перекопе 11-й армией были использованы две пехотных дивизии, то для прорыва через Ишуньские позиции Э. фон Манштейн запланировал задействовать три дивизии: 73, 46 и 22-ю пд в подчинении LIV АК генерала Хансена. Развернутый на Крым XXX АК в составе 72-й и 170-й пд он решил использовать для демонстративной атаки на Сальково, с последующей заменой на румынские части⁵⁹.

В отношении оценки советских войск представляет интерес доклад Манштейна, представленный в ГА «Юг» незадолго до начала наступательных действий – 15 октября 1941 г. Командующий 11-й армией писал: «Следует с уверенностью полагать, что русские будут всеми силами сражаться за Крым, учитывая его значение как базы флота и авиации, и что Севастополь как символ сопротивления будет обороняться до последнего». Также были даны краткие характеристики противостоящих 11-й армии советских соединений:

- «– 106-я сд – активная и еще боеспособная;
- 156-я сд – активная, понесшая большие потери у Перекопа, но получившая пополнение;
- 271-я и 276-я сд – сформированы из резервистов старших возрастов;
- 1-я Крымская дивизия – вновь сформированная;
- 3-я Крымская дивизия – вновь сформированная, существенно пострадавшая у Перекопа;
- пехотная бригада флота в Севастополе»⁶⁰.

Оценки любопытные (полученные в том числе по допросам пленных) и достаточно объективные. Одновременно нельзя не отметить, что Манштейн рассчитывал встретить в Сева-

⁵⁵ Имеется в виду моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

⁵⁶ Манштейн З. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 224.

⁵⁷ Возглавил соединение 22 октября в связи с болезнью генерала Черняева, до этого был его заместителем.

⁵⁸ NARA T313 R9 frame 7234886 (цит. по экземпляру документа в приложениях ЖБД 1-й ТА).

⁵⁹ NARA T312 R362 frame 7937483.

⁶⁰ NARA T312 R362 frame 7937323.

стополе всего одну морскую бригаду. Кавалерийские дивизии были замечены, но не получили качественных оценок.

Также Манштейн дал достаточно трезвую оценку расчета времени на сокрушение советской обороны: «Армия начинает наступление 18 октября с перешейка у Юшуни. Ожидается, что в течение 2–3 дней удастся сломить фронтальное сопротивление врага, еще 2 дня потребуются на разгром атакующего с востока противника. В ходе преследования в район Симферополя удастся выйти на 8-й день наступления»⁶¹. Кроме того, Манштейн вполне точно спрогнозировал переброску в Крым Приморской армии, в докладе в ГА «Юг» прямо сказано: «Командование армии должно ожидать, что русские в ходе боев за Крым перебросят дополнительные силы с Кавказа и от Одессы. Есть признаки, свидетельствующие об этом»⁶².

Перейдя 18 октября в наступление на Ишуньские позиции, главный удар Манштейн наносил двумя дивизиями на узком участке между железной дорогой и берегом Черного моря. Начало наступления, несмотря на изначально совсем не шапкозакидательский настрой немцев, оказалось не вдохновляющим. В ЖБД 11-й армии указывается: «В первый день наступления LIV АК смог лишь ненамного продвинуться вперед из-за упорного сопротивления вражеской пехоты, опиравшейся на сильные позиции и обширные минные поля, особенно сильного артиллерийского огня и в первую очередь из-за превосходства противника в воздухе»⁶³. Еще менее вдохновляющими были донесения воздушной разведки: «Воздушная разведка уже 18 октября обнаружила движение моторизованных сил противника от Симферополя на север и северо-восток. Вне всякого сомнения, речь идет об авангардах Одесской армии»⁶⁴. Традиционно считается, что Приморская армия не успела к боям за Ишуньские позиции, но по немецким данным, отдельные подразделения все же были втянуты в бои.

⁶¹ NARA T312 R362 frame 7937325.

⁶² Ibidem.

⁶³ NARA T312 R355 frame 7929363.

⁶⁴ Ibidem.

Командующий 51-й армией Ф.И. Кузнецов.

Командующий 11-й армией Э. фон Манштейн. На момент вступления в должность в сентябре 1941 г. – генерал пехоты.

В ЖБД 11-й армии указывается, что прорыв собственно озерных дефилов состоялся уже 19 октября. «В ходе второго дня боев LIV АК в упорных боях силами 73-й и 46-й пд смог прорваться в глубину сильной оборонительной позиции противника у Юшуни»⁶⁵. На левом фланге немецкого наступления 106-й сд А.Н. Первушина удалось добиться успеха в обороне против

⁶⁵ NARA T312 R355 frame 7929364.

22-й пд немцев. Одной из причин этого было поспешное вливание в 22-ю пд поступившего слабо обученного пополнения.

20 октября наступающие немецкие части вышли на рубеж реки Чатарлык, где занимала позиции 172-я сд И.А. Ласкина. Со стороны 11-й армии также втягиваются в бой новые дивизии: с 21 октября в первую линию вводится XXX АК с 72-й пд и переподчиненной ему 22-й пд. В подчинении LIV АК была задействована 50-я пд. Дальнейшее продвижение наступающих немецких частей удалось предотвратить упорной обороной. Как с досадой констатируется в ЖБД 11-й армии, «22 октября силу и волю противника к сопротивлению перед фронтом армии сломить не удалось. Каждый узел сопротивления приходилось уничтожать по отдельности в упорных боях».

Однако именно в этот день, 22 октября, был отстранен от командования 51-й армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов⁶⁶. По показаниям полковника А.И. Данилина в немецком плену, де-факто командование Ф.И. Кузнецова продолжалось до 24 октября. Для объединения действий войск 51-й и Приморской Отдельных армий и Черноморского флота по обороне Крыма по указанию Ставки Верховного главнокомандования было создано командование войсками Крыма. Командующим был назначен вице-адмирал Г.И. Левченко, заместителем по сухопутным войскам и командующим 51-й армией – генерал-лейтенант П.И. Батов.

Ввиду медленного развития прорыва Манштейн настойчиво требовал подкреплений. Изымались они в том числе из состава войск на западе. Так, 22 октября в ЖБД 11-й армии указывалось: «ОКХ сообщает, что из района ответственности главнокомандующего на Западе будут направлены для восполнения потерь в 22, 72 и 170-й пд зарекомендовавшие себя в качестве командиров стрелковых групп унтер-офицеры, а именно по 84 человека в каждую из трех дивизий»⁶⁷. Также Манштейну удалось «выбить» у Верховного командования управление XXXXII АК с 132-й пд и 24-ю пд, но прибыли они позднее.

Последним указанием Ф.И. Кузнецова стал приказ на контрудар: «Примармии силами 95, 25 сд и частями опергруппы Батова нанести контрудар в направлении Бой-Казак Татар, Воронцовка сбросить противника [в] залив Каркинитский»⁶⁸. Однако 23 октября 95-я сд еще находилась в процессе перевозки из Севастополя и вступила в бой лишь на следующий день⁶⁹. Тем самым был упущен благоприятный момент, когда 23 октября 50-я пд оставалась на плацдарме на Чатарлыке без боеприпасов, из-за разлива реки после дождя дивизию даже собирались снабжать по воздуху. Наступление Приморской армии начинается 24 октября, наступающим удастся пробиться к Воронцовке, но контрудар в целом успеха не имеет.

26 октября немецкие войска, сосредоточив на плацдарме на р. Чатарлык и 50-ю пд, и 170-ю пд, возобновили наступление. Следует также подчеркнуть, что опыт Приморской армии в Одессе ограничивался преимущественно противостоянием румынским частям и соединениям. Немцы же, безусловно, были куда более крепким и энергичным противником. Шоковое впечатление произвели немецкие штурмовые орудия. В утренней оперсводке от 27 октября 95-й сд указывалось: «Пущенные крупные танки противника нашей противотанковой артиллерией не поражались из-за крепкой брони, в то же время как противотанковые пушки и пушки танков пр-ка разбили 10 наших противотанковых пушек»⁷⁰.

Все резервы обороны были израсходованы, и 28 октября противнику удалось прорвать фронт наших войск. Дивизии Приморской армии начали отходить на юг, а 276, 106, 271 и

⁶⁶ Батов А. В. Указ. соч. С. 62.

⁶⁷ NARA T312 R355 frame 7929372.

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 167.

⁶⁹ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 9. Л. 281.

156-я сд 51-й армии, против которых наступали пять немецких дивизий, медленно отходили в направлении на Джанкой.

Для развития наступления на Севастополь Манштейном 27 октября была сформирована так называемая бригада Циглера – импровизированное моторизованное соединение. Название свое она получила по имени начальник штаба XXXXII АК полковника Циглера. Согласно отчету бригады, ее задачей являлось, «используя бреши в обороне и слабые позиции противника, безостановочным движением достичь участка реки Альма юго-западнее Симферополя и преградить путь через долину реки Альмы в Севастополь уже отступающему перед фронтом армии противнику»⁷¹.

Бригада Циглера имела следующий состав⁷²:

А) «группа фон Боддина»⁷³:

22-й разведывательный батальон;

по одной самокатной роте из состава разведывательных батальонов 46-й и 73-й пд;

5-я батарея 54-го артполка (тяжелые полевые гаубицы на механической тяге);

одна рота противотанкового батальона 50-й пд;

46-й саперный батальон;

190-й дивизион штурмовых орудий;

18-я тяжелая зенитная батарея;

610-я зенитно-пулеметная рота.

В) «группа Корне»⁷⁴:

моторизованный румынский полк (6 моторизованных эскадронов);

6-я рота полка «Бранденбург»;

737-й артиллерийский дивизион без первой батареи (тяжелые полевые чешские гаубицы на механической тяге);

560-й противотанковый дивизион;

1-я рота 70-го саперного батальона.

Это было достаточно характерным для немцев ходом: немецкие пехотные дивизии неоднократно использовали разведывательные батальоны на бронев автомобилях в качестве моторизованных боевых групп для захвата важных в тактическом плане объектов. Поскольку полковник Циглер не успел прибыть до 29 октября, действиями бригады руководил командир 50-й пд⁷⁵ (в связи с этим создание бригады Циглера ошибочно датируется 29 октября).

Командующий войсками Крыма 29 октября решил отвести войска Приморской и 51-й армий на слабо подготовленный тыловой оборонительный рубеж, проходивший по линии Советский, Ново-Царицыно, Саки, и закрепиться на нем. Это решение осуществить не удалось, так как 31 октября подвижный отряд Циглера вышел к станции Альма. Как указывалось в отчете о действиях бригады, «на дороге Севастополь – Симферополь наблюдалось оживленное движение. После того как 5-я батарея 54-го ап и 18-я тяжелая зенитная батарея были расположены на позициях на высоте таким образом, что они могли господствовать над долиной в восточном, южном и юго-западном направлениях, а одновременно часть 46-го сб, усиленного штурмовыми орудиями, взяла мост на реке Альма, движение в долине с 11.00 было прервано»⁷⁶. Выход бригады Циглера к Альме также привел к уничтожению бронепоездов «Войковец» и «Орджоникидзевец».

⁷¹ NARA T314 R1669 frame 410.

⁷² NARA T314 R1669 frame 410.

⁷³ Командир 22-го разведбата 22-й пд.

⁷⁴ Командир моторизованного румынского полка.

⁷⁵ Ibid., frame 411.

⁷⁶ NARA T314 R1669 frame 415.

Надо сказать, что первое сообщение о выходе бригады Циглера к Альме не слишком впечатлило И.Е. Петрова. Он правильно оценил их как «передовые части» и в приказе, отданном в 17.35 31 октября 1941 г. в Экибаше, приказывал подчиненным ему войскам выйти на рубеж р. Альма и далее «на основные Севастопольские позиции на рубежах рек Кача и Бельбек»⁷⁷. Одновременно, явно на случай появления крупных сил на пути в Севастополь, 421-й сд ставится задача прикрыть дорогу на Алушту. Традиционная версия событий говорит о совещании командиров соединений в Экибаше, где выбирали между Керчью и Севастополем. Судя по процитированному приказу, сам факт такого совещания становится сомнительным: Петров уже принял решение отходить в Севастополь, причем по кратчайшему направлению. Судя по всему, определенная смена планов произошла ввиду угрозы, обозначившейся на шоссе на Алушту во второй половине дня 1 ноября 1941 г. Соответственно, в ночь на 2 ноября И.Е. Петров приказывает «тяжелую артиллерию, автотранспорт, обоз отправить на Алушту»⁷⁸.

Отход проходил в трудных условиях: наши войска вели непрерывные бои с наседавшим на них противником. Так, путь на Шуры и далее в Севастополь для 95-й сд через Шуры оказался перегорожен частями 72-й пд. Однако удалось сбить заслон немцев в Улу-Салы и двигаться другим маршрутом к приморскому шоссе через горы⁷⁹. 6 ноября передовые части Приморской армии вышли к Севастополю как раз в тот момент, когда гарнизон города, состоявший главным образом из морской пехоты, отражал на передовом рубеже атаки LIV АК, стремившегося прорваться к городу с востока по кратчайшему направлению. С подходом войск Приморской армии силы защитников Севастополя увеличились, что дало им возможность отразить немецкое наступление.

В то время, когда войска Приморской армии отходили к Севастополю, 51-я армия отводилась для обороны Керченского полуострова. 4 ноября приказом командующего войсками Крыма на базе 51-й армии был создан Керченский оборонительный район, в состав которого вошли все соединения и части 51-й армии и Керченская военно-морская база. Несмотря на удобную для обороны местность и достаточные силы (семь стрелковых дивизий), командование оборонительного района не сумело организовать оборону Керченского полуострова и приостановить наступление противника. 16 ноября последние части 51-й армии были эвакуированы на Таманский полуостров.

До войны Севастополь готовился к обороне с моря, с суши же он оставался слабо прикрытым. Поначалу создание оборонительных позиций ориентировалось на противодесантную оборону базы флота, и, соответственно, рубеж располагался чересчур близко к городу – предполагалось отбивать атаки легковооруженного воздушного или морского десанта. Лишь постепенно началось строительство, в большей степени отвечавшее задаче обороны с суши рубежей. Общая численность гарнизона Севастополя до прибытия Приморской армии составляла 20 660 человек.

4 ноября был образован Севастопольский оборонительный район (СОР), который сначала возглавил командующий Приморской армией генерал И.Е. Петров. Вопрос о первом командующем СОР являлся предметом дискуссий в советской историографии. В 1950-е годы отсчет существования СОР начинался с 7 ноября 1941 г., когда командующим СОР стал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский. Поддержал уже в конце 1970-х эту точку зрения П.А. Моргунов, утверждавший: «С 5 по 9 ноября 1941 г. штабом [...] «сухопутного СОРа», было издано много разных документов, но часть их так и не была проведена в жизнь, вследствие введения другой организации командования согласно директиве Ставки от 7 ноября»⁸⁰. Однако Г.И. Ванеев

⁷⁷ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 7. Л. 33.

⁷⁸ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 7. Л. 28.

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

⁸⁰ Моргунов П.А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. С. 70.

справедливо обращает внимание на тот факт, что по документам СОР отсчитывает свое существование с 4 ноября 1942 г.⁸¹ Это подтверждал в своих мемуарах Н.Г. Кузнецов, написавший: «Г.И. Левченко, ответственный по решению Ставки за оборону всего Крыма, 4 ноября назначил командующим Севастопольским оборонительным районом генерала И.Е. Петрова, хотя командующий флотом уже находился в то время в Севастополе»⁸². В недавно опубликованных мемуарах сам Г.И. Левченко прямо подтвердил существование подписанного им приказа о создании СОР и назначении его командующим И.Е. Петрова⁸³.

Можно было бы предположить, что факт руководства СОР И.Е. Петровым имеет число академический интерес. Однако изучение подписанных Петровым приказов говорит, что это не так. Приходится констатировать, что со стороны флотского командования имеет место явное принижение заслуг И.Е. Петрова и его штаба в организации обороны города. Так, П.А. Моргунов пишет о содержании приказа № 001: «Были сделаны лишь небольшие изменения границ секторов»⁸⁴. Тем не менее на отчетных картах за начало ноября 1941 г. никаких секторов еще не обозначено. Приказ № 001 штаба СОР от 6 ноября за подписью И.Е. Петрова гласил: «Создать три сектора обороны»⁸⁵. Справедливости ради можно согласиться, что разделение было осуществлено под влиянием командования флота. Следствием этого стал «противодесантный» первый сектор от Северной бухты до Балаклавы.

Приказ же № 002 от 2.00 9 ноября 1941 г. менял структуру обороны Севастополя в связи с прибытием частей Приморской армии (публиковался Г.И. Ваневым⁸⁶). Соответственно, вопрос о командовании СОР в начале ноября 1941 г. – это вопрос об авторстве структуры обороны Севастополя, просуществовавшей до июня 1942 г. П.А. Моргунов пишет об указаниях Ф.С. Октябрьского, якобы ставших основой для разбиения обороны на четыре сектора: «Принципиальным изменением было разделение бывшего III сектора на два, т. е. на III и IV секторы (ранее в III секторе было два подсектора)»⁸⁷. Данный тезис звучит крайне неубедительно ввиду явных корректировок принципов разделения на секторы в приказах № 001 и № 002. Во-первых, три сектора, существовавшие в первые дни ноября, включали первый сектор по берегу моря от Северной бухты до Балаклавы. По приказу № 002 СОР первый сектор становится чисто сухопутным. Во-вторых, в приказе № 001 относительно третьего сектора сказано следующее:

«В составе сектора иметь три оборонительных участка:

№ 1 – г. Яйла-Баш, Дуванкой.

№ 2 – выс. 103, 4, Эфенди.

№ 3 – Куба-Бурун и до берега моря»⁸⁸.

То есть в составе данного сектора было не два, а три подсектора (участка). Более того, если сверить приказ с картой, то третьему сектору назначался рубеж от г. Кая-Баш (иск.), г. Яйла-Баш⁸⁹. Это в точности совпадает с границей между III и IV секторами по приказу И.Е. Петрова. То есть И.Е. Петров своим приказом реструктурировал старый второй сектор, разделив его на I, II и III с фактическим упразднением «противодесантного» первого сектора.

⁸¹ Ванев Г.И. Указ. соч. Книга 1. С. 52–53.

⁸² Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000. С. 152.

⁸³ Левченко Г.И. Вместе с флотом. Неизвестные мемуары адмирала. М.: 000 «ТД Алгоритм», 2015. С. 184.

⁸⁴ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 77.

⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 7. Л. 36.

⁸⁶ Ванев Г.И. Указ. соч. Книга 1. С. 225–227.

⁸⁷ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 92.

⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 7. Л. 36.

⁸⁹ Там же.

Позиция советской 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. на Перекопе (NARA).

Войска Приморской армии, ведя напряженные бои с противником, стремившимся захватить дорогу Ялта – Севастополь, к 9 ноября вышли в район Севастополя и развернулись для обороны на его подступах. Подошедшая Приморская армия в это время состояла из 25, 95, 172 и 421-й стрелковых дивизий, 2,40 и 42-й кавалерийских дивизий, отдельного танкового батальона, 265-го корпусного артиллерийского полка и некоторых других подразделений.

После боевых действий в северной части Крыма соединения и части Приморской армии имели значительный некомплект в личном составе, вооружении и средствах тяги. Так, например, 2-я кавалерийская дивизия подошла к Севастополю в составе лишь 320 человек и без артиллерии. 421-я стрелковая, 2-я и 42-я кавалерийские дивизии ввиду малочисленности личного состава сразу же были расформированы.

Всего в составе армии на 10 ноября с частями боевого обеспечения и тылами насчитывалось: 31 500 человек, орудий 76-мм и крупнее – 78, орудий 45-мм – 30, 37-мм зенитных орудий – 8, минометов 82-мм и 120-мм – 114, минометов 50-мм – 118, танков – 10. К 11 ноября весь Севастопольский оборонительный район был разделен на четыре сектора. В каждом секторе из состава оборонявших его войск создавался резерв; кроме того, создавались общий и артиллерийский резервы оборонительного района.

Береговая артиллерия через начальника артиллерии береговой обороны оперативно подчинялась начальнику артиллерии оборонительного района. Корабельная артиллерия находилась в непосредственном подчинении командующего флотом, но выполняла огневые задачи в интересах сухопутных войск по указанию и заявкам начальника артиллерии оборонительного района. В пределах возможного обеспечивалось массирование артиллерийского огня на основных направлениях. На участке железной дороги Севастополь – Балаклава действовал один бронепоезд.

Немецкое командование, стремясь скорее захватить Севастополь и высвободить силы 11-й армии для операций на других направлениях, спешило возобновить наступление. Подтянув к Севастополю XXX армейский корпус и перегруппировав силы, противник 11 ноября

вновь перешел в наступление. Теперь против Севастопольского оборонительного района действовали 72, 50, 132 и 22-я немецкие пехотные дивизии.

Для нанесения удара вдоль шоссе Ялта – Севастополь противник нацелил 72-ю дивизию, усилив ее танками. Для нанесения второго удара в направлении Черкез-Кермен, долина Кара-Коба были использованы части 50-й дивизии и моторизованного отряда.

Против северного и северо-восточного фасов оборонительного района противник оставался относительно пассивным. Он производил оборонительные работы, на отдельных направлениях переходил в атаки небольшими подразделениями и периодически обстреливал наши части артиллерийским и минометным огнем.

Уже 9 ноября в бой с главными силами 72-й пехотной дивизии вступили части 40-й кавалерийской дивизии, находившиеся на передовых позициях в районе Варнутка. Под давлением превосходящих сил врага части 40-й кавалерийской дивизии отошли на передовой оборонительный рубеж.

13 ноября 72-я пд противника возобновила наступление и вклинилась в оборону I сектора, но это вклинение было ликвидировано к исходу 14 ноября контратаками резервов I и II секторов. 15 ноября, введя в бой второй эшелон и свежую группу танков, 72-я пехотная дивизия противника оттеснила части I сектора и вышла к Балаклаве и свх. Благодать. 16 ноября из общего резерва оборонительного района был введен в бой 1330-й стрелковый полк, который задержал дальнейшее продвижение противника.

Сутра 18 ноября противник предпринял ожесточенные атаки в направлении на Камары, и к вечеру наши части были вынуждены оставить этот пункт. 21 ноября 514-й стрелковый полк контратаковал противника и выбил его из Камар.

На этом закончились боевые действия на правом фланге Севастопольского оборонительного района, где наши части остановили наступление противника на линии Балаклава, свх. Благодать, Камары, удержав все указанные пункты.

Войска 2-го и 3-го секторов в период с 13 по 18 ноября отбивали атаки частей 50-й пехотной дивизии, пытавшихся прорваться на Севастополь из района Черкез-Кермет по долине Кара-Коба. За 6 дней противнику удалось продвинуться здесь на 1–1,5 км и овладеть высотами 269,0 и 293,3. Все попытки дальнейшего наступления противника были отражены. Большую роль при этом сыграла контратака 54-го и 2-го Перекопского полков, осуществленная 14 ноября с высоты 319,6 в южном направлении во фланг и тыл частям противника. Враг понес потери и был вынужден остановиться. Возобновить здесь наступление он смог лишь 16 ноября и за три дня продвинулся всего на 300–400 м. В центре II сектора врагу удалось захватить на самом переднем крае передового рубежа обороны высоту 287,4.

На других направлениях наступление противника успеха не имело. Атаки 22-й пехотной дивизии в направлении Колымтай, Эфендикой были полностью отбиты войсками IV сектора. За 10 дней напряженных боев противнику удалось на отдельных участках вклиниться на 3–4 км в передовую оборонительную полосу I сектора и на 1–2 км в стыке II и III секторов обороны.

Как позднее, уже в декабре, признавалось в ЖБД 11-й армии, «запланированный захват крепости быстрой атакой до того, как противник успел бы привести в порядок и пополнить отступившие в крепость соединения, не удалось провести, поскольку в решающий момент отказало снабжение боеприпасами»⁹⁰.

Вследствие сомнительных перспектив взятия Севастополя сходу, а также ощутимых потерь войск 11-й армии, действовавшей под Севастополем и на Керченском полуострове, немецкое командование было вынуждено 21 ноября прекратить наступление.

⁹⁰ NARA T312 R355 frame 7929483.

Выводы. В отечественной историографии борьба за Крым в 1941 г. часто рассматривается как время упущенных возможностей. Безусловно, свои основания для такого подхода к проблеме есть. Однако в значительной мере это следствие одностороннего взгляда на события. Точно так же тезис об увлечении Ф.И. Кузнецова противодесантной обороной в ущерб обороне Перекопа надуман и не подтверждается документами. Вместе с тем следует признать, что имела места определенная недооценка ударных возможностей немцев, что привело к запаздыванию контрмер при прорыве обороны 156-й сд на Турецком валу.

Уже в период подготовки второго (в терминах отечественной историографии) штурма Севастополя командующий LIV корпусом генерал Хансен писал Манштейну: «Я напоминаю, что прорыв через Перекопский перешеек, где были в основном только полевые укрепления, потребовал 5 дней, через Юшунь после недельного перерыва потребовал 11 дней. В итоге изначальное требование «в первый день Армянск, на второй день Юшунь» не удалось выполнить даже приблизительно. Приходилось радоваться, что прорыв в конечном счете вообще осуществился». То есть, с точки зрения противника, прорыв шел отнюдь не по первоначальному плану и с большими трудностями. При этом германское командование обладало немалыми силами и средствами, в первую очередь в отношении артиллерии. Также 11-я армия постоянно усиливалась новыми соединениями. Начав штурм Перекопа одним корпусом, она в итоге действовала в Крыму в трехкорпусном составе.

Прибытие Приморской армии в Крым, вопреки ожиданиям, не позволило переломить обстановку в пользу советских войск. Контрудар соединений, привыкших в Одессе противостоять преимущественно румынам, успеха не имел и привел к большим потерям. Тем не менее И.Е. Петров показал себя грамотным и решительным человеком, упорно продвигавшим свои соединения на защиту Севастополя и быстро взявший в руки его оборону с созданием разделения на секторы, просуществовавшего до лета 1942 г.

1.2. Черноморский флот накануне и в начале войны

Глухарев Н.Н.

Благодаря своему географическому положению Крымский полуостров являлся удобной базой для базирования военно-морского флота на Черном море. Его развитию в предвоенные годы советское правительство уделяло особое внимание.

Согласно программе развития флота, работа над которой началась во второй половине 1930-х гг., признавалось необходимым иметь на каждом театре (исключая Северный) сравнимые с силами вероятного противника флоты (превосходящие или равные им). Перспективное планирование состава флота основывалось на признании главной задачей обороны советской береговой линии и внутренних вод от возможного вторжения со стороны моря. Исходя из этого, предполагалось развивать как легкие ударные силы, так и группировки линейных кораблей. В программе, принятой в 1936 г., не было предусмотрено строительство авианосцев, запланированных по первоначальному проекту. Несмотря на то что ряд авторов видят в этом существенное упущение⁹¹, стоит отметить, что на таких закрытых морских театрах, как Балтийское и Черное моря, авианосцы в принципе и не требовались, а в других случаях эксплуатация подобных кораблей сопрягалась с необходимостью разработки новой дорогостоящей инфраструктуры. Само господствующее положение Крыма на Черноморском театре позволяло авиации полностью контролировать морские сообщения противника во всем Причерноморье, имея базу на полуострове.

Масштабы программы строительства военного флота требовали организационных изменений в его управлении и пересмотра места флота в структуре РККА. В 1937 г., согласно постановлению ЦИК и СНК СССР, был образован Народный комиссариат Военно-морского флота, что закрепило организационную самостоятельность ВМФ в системе вооруженных сил. В следующем, 1938 г. на базе Штаба Морских сил РККА был создан Главный морской штаб.

Серьезной проблемой, негативным образом повлиявшей на осуществление масштабных преобразований на флоте, оказалось положение с кадровым составом. Репрессии 1937–1939 гг. привели к опасной кадровой нестабильности, а программа подготовки новых квалифицированных кадров за эти годы так и не была создана на должном уровне. Первые наркомы ВМФ – П.А. Смирнов (1937–1938) и М.П. Фриновский (1937–1939), – активно включившиеся в чистку флотских кадров, сами оказались репрессированными. Командный состав разных уровней в результате значительно омолодился, зачастую без учета уровня необходимой подготовки. Процент командиров, окончивших Военно-морскую академию, оказался весьма низким: на конец 1940 г. только 8,4 % штабных командиров прошли обучение в академии, тогда как 66,3 % окончили только училище, 11,3 % – гражданские вузы, а 14 % не имели высшего образования. Проблема осложнялась и общим некомплектom состава – на февраль 1941 г. он составлял 29 %⁹².

Практическое строительство масштабного военно-морского флота значительно опережало теоретическую разработку военной доктрины, отвечающей на вопросы его стратегического применения. Как впоследствии отмечал Н.Г. Кузнецов, назначенный 29 апреля 1939 г. на должность народного комиссара ВМФ, «четко сформулированных задач флота не было. Как ни странно, я не мог добиться этого ни в Наркомате обороны, ни у правительства. Генеральный

⁹¹ Грибовский В.Ю. Рабоче-крестьянский Военно-Морской Флот в предвоенные годы. 1936–1941. СПб., 1996. С. 11–12.

⁹² Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий. М., 2015. С. 21.

штаб ссылаясь на отсутствие у него директив правительства по этому вопросу, а лично Сталин отшучивался или высказывал весьма общие предположения»⁹³.

Бетонный ДОТ под 76-мм пушку на Перекопе. (NARA).

Целый ряд нерешенных проблем, таким образом, снижал боевой потенциал военно-морских сил. На недостатки кадрового обеспечения флота накладывалась незавершенность развертывания береговой обороны, перевооружения авиации ВМФ, неподготовленность обороны военно-морских баз со стороны суши, неготовность системы базирования обеспечить полное выполнение задач, поставленных перед флотом⁹⁴. «Война застигла нас на переходном этапе, когда страна фактически лишь приступила к созданию крупного флота, – писал Н.Г. Кузнецов в своих мемуарах. – Наряду со строительством кораблей и военно-морских баз спешно разрабатывались новый Боевой устав, Наставление по ведению морских операций и другие важнейшие документы, в которых должны были найти отражение основные принципы использования Военно-Морских Сил. К сожалению, с этим делом мы не успели справиться до конца»⁹⁵.

Тем не менее благодаря мероприятиям, проведенным новым наркомом, ВМФ смог в предвоенные годы существенно улучшить собственную боеспособность, в том числе на Черноморском театре. Повысилась интенсивность подготовки личного состава, чему в немалой степени способствовало в дополнение к Военно-морскому училищу береговой обороны им. ЛКСМУ (г. Николаев) создание в Севастополе Военно-морского училища им. П.С. Нахимова. Флот оснащался новыми кораблями, причем многие из них оказались удачной комбинацией отечественного и зарубежного опыта. Однако в связи с перегрузкой судостроительных предприятий сохранялось множество проблем с качеством продукции: из-за спешки многие работы выполнялись недостаточно качественно, частыми были гарантийные ремонты. По состоянию на начало войны почти треть кораблей Черноморского флота находилась в ремонте, зачастую длительном.

Организационно Черноморский флот (командующий вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, член Военного совета дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, начальник штаба контр-адми-

⁹³ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. Сост. Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенко, Л.А. Неретина. М., 2000. С. 103.

⁹⁴ Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Указ. соч. С. 23.

⁹⁵ Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966.

рал И.Д. Елисеев) имел в подчинении до ноября 1941 г. Дунайскую военную флотилию, с июля 1941 г. – Азовскую флотилию. Основные силы включали эскадру в составе 1 линейного корабля, 5 крейсеров, 15 лидеров и эсминцев. Флот имел также 44 подводные лодки, две бригады торпедных катеров, несколько дивизионов тральщиков, сторожевых и противолодочных катеров – всего более 300 кораблей и катеров различных классов. После начала войны флот получил новые корабли, сошедшие с судостроительных верфей: 2 эсминца и 8 подлодок, а также пополнение в результате мобилизации – 4 минных заградителя, 26 тральщиков, 11 канонерских лодок, 7 сторожевиков. Внушительными можно назвать и военно-воздушные силы флота, составляющие две бригады в составе пяти полков, разведполк, 10 отдельных эскадрилий – более 600 самолетов, хотя и в основном устаревших типов. До конца 1941 г. в составе ВВС ЧФ действовали уже 10 авиаполков и 13 эскадрилий, однако высокие боевые потери привели к сокращению общего количества машин к концу года до 345.

Береговая оборона флота насчитывала 26 батарей калибром 100–305 мм (всего 93 орудия), несколько противокатерных батарей 45-76-мм. ПВО военно-морских баз включала 47 батарей калибром 76 мм (168 орудий) и 3 батареи – 37 мм (18 орудий), 119 зенитных пулеметов, 81 прожектор⁹⁶.

Севастополь служил главной базой флота, располагающей всем необходимым для его размещения – судоремонтными заводами, доками, мастерскими, складами, госпиталем, причальными линиями. Здесь размещалась эскадра во главе с линкором «Парижская коммуна» (командир капитан 1-го ранга Ф.И. Кравченко). Линкор был спущен на воду еще в 1911 г., а в 1933–1938 гг. прошел серьезную модернизацию на Севастопольском судостроительном заводе, в ходе которой получил новые установку, вооружение и броню. К кораблям дореволюционной постройки относились также крейсера «Червона Украина» (1915 г., командир капитан 1-го ранга Н.Е. Басистый), «Красный Кавказ» (1916 г., командир капитан 1-го ранга Гущин), «Красный Крым» (1915 г., с 1938 г. по август 1941 г. стоял в ремонте). Отряд легких сил под командованием контр-адмирала Т.А. Новикова включал новые крейсера «Ворошилов» (капитан 1-го ранга Марков Ф.С) и «Молотов» (капитан 1-го ранга Зиновьев Ю.К.), изготовленные на заводе в Николаеве и спущенные на воду в 1937-м и 1939 г. соответственно. К эскадре относилось 3 дивизиона эсминцев, один из которых – формально, т. к. его корабли были переданы Одесской и Батумской военно-морским базам; в Севастополе оставались эсминцы «Ташкент» (лидер эскадренных миноносцев итальянского производства, спущен на воду в 1937 г.), «Быстрый», «Бодрый», «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный», «Москва», «Харьков», «Смышлennyй», «Сообразительный», при этом «Ташкент» и «Быстрый» находились на ремонте, еще три эсминца находились на заключительной стадии перед вводом в эксплуатацию («Свободный», «Способный», «Совершенный»).

В Севастополе базировались и обе бригады подводных лодок. В первую (командир капитан 1-го ранга П.И. Болтунов) входили подлодки типа «Ленинец» (требовавшие капитального ремонта или стоящие на ремонте), «Декабрист» (стоящие или ожидающие ремонта), «Сталинец» (С-31, С-32, С-33 и С-34, находящаяся на испытаниях) и «Щука» (7 в строю и 5 на ремонте). Во вторую бригаду входили лодки типа ПЛ (большинство на ремонте) и два дивизиона М (8 в строю, 2 – в достройке). Бригады обслуживались плавбазами «Эльбрус» и «Львов». Главная база ЧФ ВМФ располагала также 38 боевыми и 3 учебными торпедными катерами, 9 тральщиками и другими кораблями и катерами охраны; для нужд флота в Севастополе была построена серия буксиров типа СП⁹⁷.

Несмотря на трудности с эксплуатацией и ремонтом, указанный состав флота позволял считать Черноморский флот сильнейшим на Черном море, что обеспечивало поставленную

⁹⁶ Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота. 1941–1945. СПб., 2005. С. 407.

⁹⁷ Немецко А.В. Черноморский флот в годы войны. М., 2015. С. 31.

задачу достижения превосходства по отношению к силам ожидаемых противников на данном морском театре. К таковым советское военно-политическое руководство относило в первую очередь Румынию и Италию, находящихся в союзнических отношениях с Германией – наиболее опасным потенциальным противником.

В соответствии с директивой наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова от 26 февраля 1941 г. были поставлены задачи флоту на случай войны, предусматривавшие обеспечение господства наших военно-морских сил на Черном море с целью не допустить прохода флота противника через турецкие проливы, воспрепятствовать подвозу войск и боеприпасов в черноморские порты Румынии, Турции и Болгарии. Для этого, в частности, предусматривалась блокировка побережья Румынии, уничтожение или захват румынского флота, обеспечение готовности к высадке десантов, содействие приморскому флангу советских сухопутных сил. Румынский флот не мог конкурировать с Черноморским флотом, имея в своем составе 4 эсминца, 3 миноносца, 1 подводную лодку, 2 вспомогательных крейсера, 3 канонерские лодки, 3 торпедных катера, 2 минных заградителя, 10 катеров-тральщиков и ряд вспомогательных судов. Румынская Дунайская флотилия имела 7 мониторов, 3 плавучих батареи, 13 сторожевых катеров. Флотская авиация насчитывала около 650 самолетов, преимущественно устаревших типов⁹⁸.

В литературе устоялось мнение, что до начала войны советское военное руководство недооценивало значение обороны Севастополя с суши. Как писал в мемуарах бывший комендант Береговой обороны Черноморского флота генерал-лейтенант П.А. Моргунов, перед войной «специальных войск для обороны главной базы с суши не имелось»⁹⁹. Об этом же писал член Военного совета Черноморского флота вице-адмирал Н.М. Кулаков: «До Второй мировой войны вопрос об обороне главной базы флота с суши не возникал. Тогдашние наши представления о будущей войне исключали возможность подхода противника к Севастополю через Перекоп».¹⁰⁰

По свидетельству Н.Г. Кузнецова, после начала Второй мировой войны Главный морской штаб задумался о необходимости защиты морских баз с сухопутных направлений: «Были даны указания разработать специальные инструкции "поручить инженерным отделам флотов произвести соответствующие рекогносцировки, а затем приступить к укреплению военно-морских баз с суши". Следует признать, что эти указания выполнялись не в полную силу. Тем не менее уже с середины 1940 года началось проектирование, а затем создание будущих линий сухопутной обороны баз»¹⁰¹.

Учитывая широкое применение вермахтом с начала Второй мировой войны морских и воздушных десантов (в Норвегии и на Крите), для обеспечения устойчивого базирования советского флота в Севастополе, в Крыму, был развернут 9-й стрелковый корпус. Его главной задачей была организация противодесантной обороны полуострова, которая могла быть успешной только при тесном взаимодействии с морскими силами, с чем как раз и возникли определенные проблемы во время последующей обороны Крыма. Как вспоминал генерал армии П.И. Батов, поставленные корпусу перед самым началом войны в июне 1941 г. задачи не были подкреплены четким планом взаимодействия флота и армии в Крыму: «Маршал С.К. Тимошенко поставил меня в известность о том, что я назначен на должность командующего сухопутными войсками Крыма и одновременно командиром 9-го корпуса. При этом маршал ни словом не обмолвился о том, каковы должны быть взаимоотношения с Черноморским флотом, что делать

⁹⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1941–1942. М., 1983. С. 214.

⁹⁹ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 11.

¹⁰⁰ Кулаков Н.М. Доверено флоту. М., 1985. С. 127.

¹⁰¹ Кузнецов Н.Г. Указ. соч.

в первую очередь, если придется срочно приводить Крым в готовность как театр военных действий»¹⁰².

Планы Германии относительно Черного моря были изложены в тезисах к докладу, разработанному в Ставке вермахта 28 апреля 1941 г.¹⁰³ Черное море называлось «ближайшей и единственной надежной коммуникацией между европейской частью России и Англией», несмотря на осуществленный захват Греции. По мнению германского командования, Черноморский флот был менее опасным, чем Балтийский, так как первоначально не предполагалось осуществлять по Черному морю значительные перевозки. Во время проведения операции «Барбаросса» было решено оборонять береговой артиллерией порты румынского и болгарского побережья, защищая береговую линию минными заграждениями. Развернутые в Румынии войска главным ударом на северо-восток должны были вытеснить советские позиции, после чего и предполагался захват причерноморских районов, портов и военных баз. Расчет был на возможность захватить как можно больше исправных советских торговых судов и боевых кораблей для использования на Черном море в дальнейшем, учитывая отсутствие возможностей для использования в этом районе собственного флота.

Важной задачей на первое время германское командование считало блокирование основных сил Черноморского флота с помощью постановки новейших неконтактных мин силами авиации.

Единого штаба для руководства военно-морскими силами на Черном море не было создано. Весной 1941 г. в Софии приступил к работе штаб адмирала Юго-Востока, переименованный в июле в штаб военно-морской группы «Юг», возглавленный адмиралом К. Шустером, отвечавший за действия в Адриатическом, Эгейском и Черном морях. В качестве штаба по координации боевых действий в Черном море в апреле 1941 г. было создано ведомство начальника германской военно-морской миссии в Румынии (Ф. Флейшер, до 2 мая 1942 г.), должность которого 2 января 1941 г. была переименована в Адмирала на Черном море.

Вопреки распространенному мнению, угроза войны с Германией, несмотря на заключенный договор о ненападении, рассматривалась в СССР достаточно серьезно. В середине июня 1941 г. на Черном море были проведены крупные учения. Несмотря на публичное сообщение ТАСС от 14 июня, опровергавшее слухи о возможности войны с Германией, представитель Главного управления политической пропаганды ВМФ бригадный комиссар И.И. Азаров на основании указаний начальника управления И.В. Рогова объяснил личному составу крейсера «Красный Кавказ», что сообщение чисто дипломатическое, а дело военных – быть всегда начеку¹⁰⁴. После окончания учения флот вернулся в Севастополь, но был оставлен в повышенной боевой готовности (оперативная готовность № 2). «В последнее время все чаще высказывается мнение о виновности, прежде всего Сталина, в том, что он чуть ли не запрещал находиться в повышенной боевой готовности, – вспоминал впоследствии Н.Г. Кузнецов. – Это не так... и не подтверждается документами. Он, конечно, требовал не провоцировать войны, но это совсем иное дело. Когда я, будучи наркомом ВМФ, в предвоенные дни докладывал ему о переводе флотов на повышенную готовность, то не встречал возражения. Не поддаваться на провокации и повышать готовность – вещи разные. Больше того, чтобы не поддаваться на провокацию, нужно быть в повышенной готовности и всему руководству находиться на своих местах, чтобы, если понадобится, отреагировать на осложнение обстановки»¹⁰⁵. Однако противоречивость информации и неясность по поводу перспективы войны с Германией приводили к отсутствию каких-либо дополнительных мер по развертыванию сил флота. Во избежание воз-

¹⁰² Батов П.И. Указ. соч. С. 7.

¹⁰³ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М., 1960. № 18. С. 28.

¹⁰⁴ Азаров И.И. Осажденная Одесса. М., 1962. С. 11.

¹⁰⁵ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. Сост. Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенков, Л.А. Неретина. М., 2000. С. 160–161.

можных провокаций, морякам прямо запрещалось «проведение каких-либо других мероприятий без особого распоряжения»¹⁰⁶.

Первая вражеская атака для Черноморского флота не стала полностью неожиданной. Черноморский флот был приведен в оперативную готовность № 1 в связи с возможным нападением Германии в 1 час 15 минут 22 июня 1941 г. – еще за 2 часа до начала первого налета немецкой авиации. По сигналу на корабли был возвращен личный состав, начались работы по заправке кораблей топливом, город погрузился в темноту. Однако боеготовыми были далеко не все корабли – только линкор, 1 лидер эсминцев, 7 эсминцев и 16 подводных лодок¹⁰⁷.

Доклад о ночном налете командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского наркому Н.Г. Кузнецову, переданный в свою очередь наркому С.К. Тимошенко и И.В. Сталину, стал первым докладом руководству страны о нападении Германии на СССР.

Девять немецких самолетов в 3.07 на подходе к Севастопольской бухте были обнаружены советскими силами ПВО. Самолеты начали сбрасывать донные неконтактные мины на парашютах, которые в темноте ошибочно принимали за парашютистов. Береговые зенитные батареи ответили огнем, сбив один из самолетов. Первая немецкая бомбардировка оказалась не точной, в том числе из-за эффективного затемнения города: две мины упали и взорвались на берегу.

В первые недели войны самолеты люфтваффе продолжили сбрасывать неконтактные мины на подходах к Севастопольской бухте и ее рейде. Потери от них не были большими, но свидетельствовали об опасности нового типа оружия, средствами борьбы с которым в СССР еще не располагали, несмотря на уже проводившиеся разработки в этом направлении до войны. Первыми жертвами стали подорвавшийся в районе Карантинной бухты Севастополя буксир СА-12 (26 человек погибли, 5 спаслись) и плавучий кран СП-2, отправленный на поднятие в бухте Песочная сбитого 22 июня немецкого самолета. Серьезные повреждения получил также эсминец «Быстрый».

Немецкая сторона приводит данные о постановке с начала войны до 4 июля 91 мины в районе Севастополя и 49 в Днепровском лимане. По советским данным, были замечены 44 сброшенные мины, 24 из которых упали на выходе из Северной бухты Севастополя¹⁰⁸. Таким образом, противнику удалось выставить в необходимом районе только около четверти мин, предназначенных для сброса. Другие попадали на сушу или в море на большую глубину, где их опасность для судов и военных кораблей была минимальной.

Для противодействия немецким неконтактным минам первоначально применялось глубинное бомбометание с катеров мест, в которых фиксировался сброс мин. «Внешние посты воздушного наблюдения, оповещения и связи наблюдали за немецкими самолетами, и когда видели, куда упала мина, с той или иной стороны, то давали нам пеленг, а мы потом определяли место и шли туда, – рассказывал о способах обнаружения мин П.П. Сивенко, командир катера СК-065, участвовавшего в обороне Севастополя. – По сути, мы нарывались на мину, но мы не боялись, надеялись на то, что немцы ставили эти мины против эсминцев, транспортов и тральщиков, да и на прибор кратности рассчитывали. После прибытия в район сброса посылали водолазов, которые спускались на дно и искали этот опасный "гостинец". Надо было обойти все немецкие ловушки, после чего с помощью разноцветных проводов передать нам сообщение о расположении мины»¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Военно-исторический журнал. 1963. № 6. С. 65; Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 334–335.

¹⁰⁷ Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁸ Морозов М.Э., Кузнецов А.Я. Указ. соч. С. 31.

¹⁰⁹ Сивенко Павел Павлович // Я помню. Архив воспоминаний ветеранов Великой Отечественной Войны / [Электронный ресурс] URL: <http://iremember.ru/memoirs/krasnofLottsi/sivenko-pavel-pavlovich/>

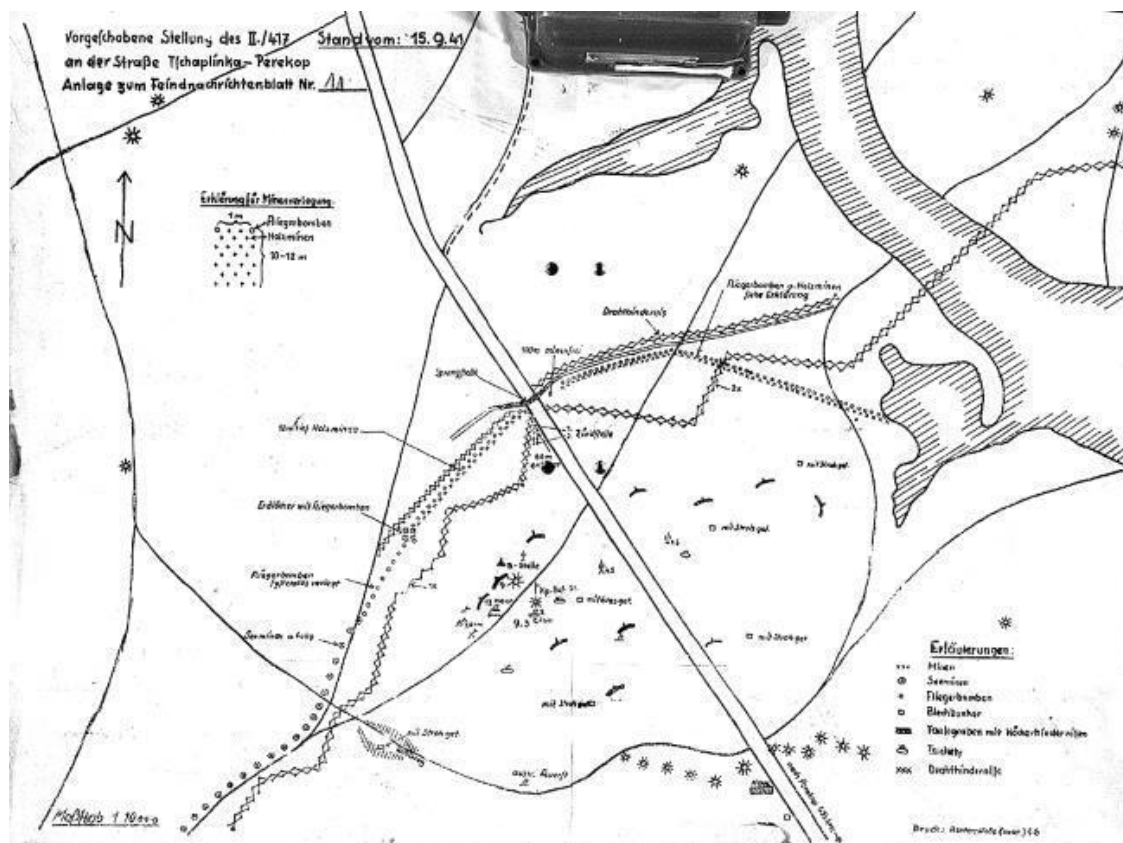

Рисунок из документов 46-й пд с обозначением инженерных сооружений на Перекопе, преграждающих путь из Чаплинки в Перекоп (NARA).

В дальнейшем началась разработка первых электромагнитных тралов и устройств размагничивания корпусов кораблей. С целью совершенствования борьбы с неконтактными минами под руководством профессора А.П. Александрова на флоте в Севастополе работала бригада ученых. Работы по оборудованию кораблей защитой против магнитных мин – «системой ЛФТИ» начались 1 июля 1941 г. 10 сентября 1941 г. приказом командующего Черноморским флотом было поручено Техническому отделу сформировать две плавающие станции по размагничиванию надводных кораблей и подводных лодок, одну – для работы в Севастополе и другую – в Феодосии¹¹⁰. К концу октября «система ЛФТИ» была установлена более чем на 50 кораблях Черноморского флота, сведя на нет былое преимущество немцев в новом виде оружия.

Постановка мин осуществлялась и советской стороной в соответствии с приказом Главного морского штаба флотам, изданным в первый день войны. Минные заграждения силами двух крейсеров, двух минных заградителей, лидера «Харьков», эсминцев, канонерских лодок, тральщиков и катеров-тральщиков выставлялись с 23 июня по 21 июля в районах Севастополя, Одессы, Новороссийска, Туапсе, Батуми, Керченского пролива. Всего было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников¹¹¹.

Решение о постановке минных заграждений на подходах к портам и на коммуникациях оказалось не вполне отвечающим обстановке. Опасения возможного вторжения итальянских кораблей через Босфор и нападение на советские военно-морские базы были мало обоснованы. Румынский флот и вовсе не был способен на подобные действия. Выставление мин загражде-

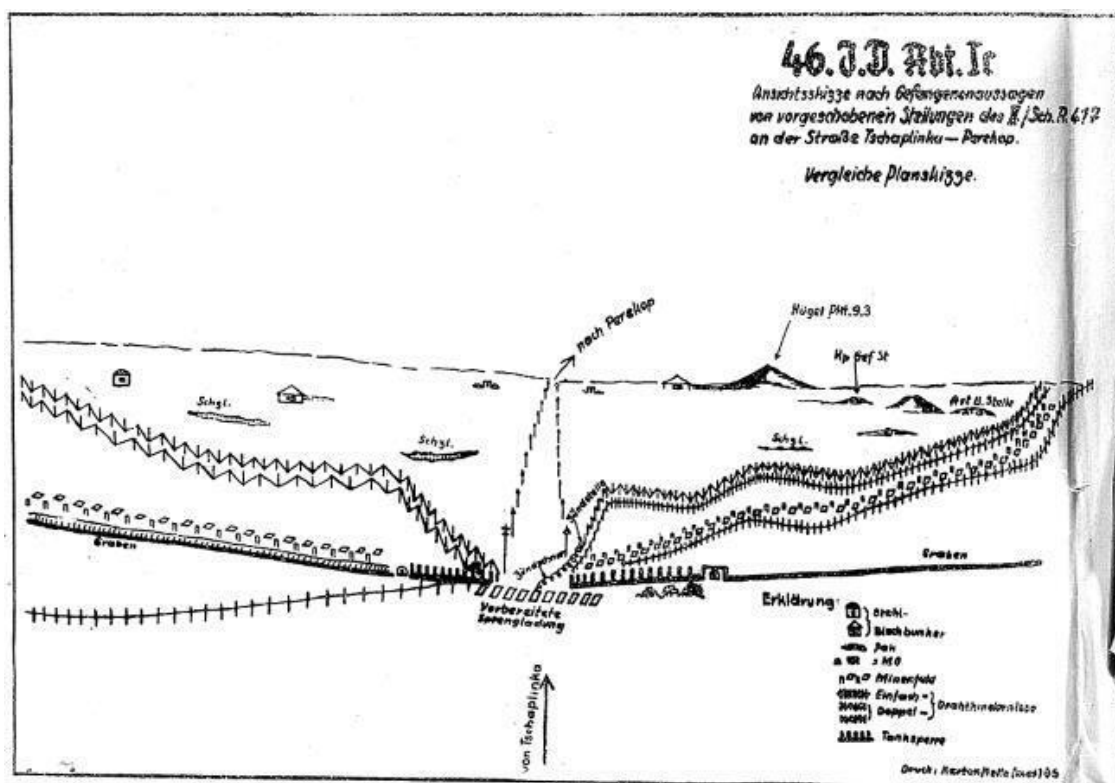
¹¹⁰ ЦВМА. Ф. 2121. Оп. 11. Д. 24. Л. 43.

¹¹¹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941–1942 гг. М., 1983. С. 215.

ния в большей степени соответствовало устаревшим представлениям о тактике, носило шаблонный характер. При этом часты были и ошибки, вызванные спешкой. Эсминец «Дзержинский» при постановке минного заграждения около Батуми выставил 234 мины, при этом произошло 40 самоподрывов.

Увлечение постановкой мин в тех районах, где вероятность атаки вражеского флота была минимальной, распыляло и истощало силы флота при потере минного запаса. Но самое главное – коленчатые фарватеры заграждений создавали значительные трудности для судоходства, часто становясь серьезными препятствиями на пути собственных кораблей, особенно для тех, экипажи которых не успели к этому подготовиться. В результате на своих минах подорвались два эсминца, торпедный и два сторожевых катера, три транспортных судна, буксир, гидрографическое судно, две паромные шхуны, два сейнера и баржа; повреждения получили эсминец и два транспорта¹¹².

Корабли и суда, двигаясь по узким фарватерам, были существенно ограничены в маневрировании. Зимой и весной 1942 г. по ним ежедневно в среднем проходило по 60 судов. В основных выводах по обороне Севастополя, подготовленных специальной комиссией Наркомата ВМФ к декабрю 1942 г., указывалось, что потери от мин были связаны с несоблюдением навигационного режима плавания кораблями, неудовлетворительным навигационным обеспечением и низким уровнем культуры штурманской службы, отсутствием контроля над военными лоцманами¹¹³.

Панорамный рисунок из документов 46-й пд с изображением построенных Красной Армией препятствий (NARA).

По мнению наркома Н.Г. Кузнецова, ошибочной была не сама идея минных заграждений, а техника их постановки: «Бесспорно одно: минировать нужно продуманно. Следует пом-

¹¹² ВМФ СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. С. 31–32.

¹¹³ ЦВМА. Инв. № 1627. Л. 14–14об.

нить, что мины – угроза не только противнику, но и своим кораблям, что рано или поздно их придется тралить, что штормы срывают их, и тогда они носятся по воле волн... Неприятности, причиняемые своими минными полями, обуславливались главным образом недостатками в технике – мины всплывали, срывались с якорей и становились опасными»¹¹⁴.

За 1941 г. у своих берегов и баз силами флота было выставлена 8371 мина и 1378 минных защитников (из них 675 мин в Азовском море, 150 мин в Керченском проливе, более 4 тыс. мин на подходах к Севастополю и Евпатории)¹¹⁵.

В самом начале войны, помимо морской авиации, для борьбы с Румынией привлекались и боевые корабли флота. Однако в отличие от авиационных налетов результаты действий морских сил не оправдали возложенных на них ожиданий. Предприняв поставку мин у румынского побережья уже 23 июня, пострадал эсминец «Шаумян». В дальнейшем нарком ВМФ согласился с командующим Черноморским флотом не использовать лидеры и эсминцы для постановки минных заграждений, а применять их для активных боевых действий в море¹¹⁶. 26 июня в результате неудачного «набега» кораблей Черноморского флота на Констанцу был потоплен на mine лидер «Москва», а лидер «Харьков» получил серьезные повреждения.

28 июня нарком ВМФ указал, что главной задачей ЧФ в данный период является защита морских коммуникаций, и в первую очередь обеспечение перевозок жидкого топлива. Командование флота в этот период опасалось действий подводных лодок противника. В донесении наркому ВМФ 2 июля сообщалось, что на Черноморском театре у советских военно-морских баз действует 10–12 подводных лодок¹¹⁷. Однако в реальности до лета 1942 г., как выяснилось уже после войны, кроме одной румынской подлодки, иных подводных сил на театре не было представлено. Борьба с мнимой подводной угрозой отвлекала силы флота на противолодочную оборону подходов к базам, приводя к их распылению.

Собственные подводные лодки привлекались для действий на коммуникациях противника. Из-за опасения высадки вражеских десантов 13 июля нарком ВМФ поставил основной задачей оборону побережья. К середине июля в море курсировали 10–11 подлодок, в том числе три у румынского побережья, остальные – у своих берегов. В начале января 1942 г. нарком ВМФ оценил действия советских лодок на коммуникациях противника как неудовлетворительные. За полгода подводными лодками удалось потопить 7 транспортов противника, однако потери составили также 7 лодок. Главной причиной неэффективности действий подлодок при больших потерях были существенные недостатки в планировании их походов при слабом навигационном сопровождении. Основные потери произошли от попадания на донные минные заграждения, защищавшие берега Румынии и Болгарии. В октябре-декабре 1941 г. здесь погибли С-34, Щ-211, Щ-204, М-58, М-59 и М-34, подорвались и получили повреждения Щ-212, Щ-205 и Л-4. С начала 1942 г. до падения Севастополя подводными силами Черноморского флота было совершено 42 похода на коммуникации противника, произведено 8 торпедных и 6 артиллерийских атак. В результате были потоплены болгарский и румынский транспорты, уничтожено 6 малых судов нейтральных стран.

В августе-сентябре 1941 г. Черноморский флот принимал непосредственное участие в обороне Одессы. Здесь впервые был организован оборонительный район – принципиально новая организационная форма объединения разнородных сил армии и флота. Данная схема организации обороны военно-морской базы хорошо себя зарекомендовала и была в дальнейшем применена при обороне Севастополя.

¹¹⁴ Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 45

¹¹⁵ Басов А.В. Указ. соч. С. 141.

¹¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 107. Оп. 368. Д. 8. Л. 9об.

¹¹⁷ Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота. 1941–1945. СПб., 2005. С. 415.

Корабли флота в период обороны Одессы получили важный опыт, так же пригодившийся при последующей борьбе за Севастополь. Корабельная артиллерия оказала существенную поддержку частям, защищающим Одессу. Однако 65 % стрельб велось по площадям, что снижало эффект от обстрела. Только с 26 по 31 августа каждый день от трех до восьми кораблей израсходовали более 3700 снарядов.

Силами флота в Одессу доставлялись конвои с пополнением, боеприпасами и продовольствием. Несмотря на действия авиации противника, удавалось совершать длительные и объемные перевозки. Так, в критический период обороны 16–20 сентября из Новороссийска на 10 транспортах и 12 боевых кораблях были доставлены 157-я стрелковая дивизия с полным вооружением и 36 рот маршевого пополнения. В целом оборона морских коммуникаций между Севастополем и Одессой велась достаточно успешно. С начала войны и до конца обороны по этому пути транспортные суда совершили 215 одиночных рейсов и 696 в составе конвоев. Для их охранения эсминцы совершили 41, тральщики – 86, сторожевые катера – 596 походов. За это время Одесса получила морем 63 759 военнослужащих, 18 181 т воинских грузов, 1314 лошадей¹¹⁸.

Во время боев за Одессу был отработан первый опыт высадки крупного тактического десанта, учтенный в дальнейшем при попытках освобождения Крыма зимой 1941/42 г.

Для десантирования в район Григорьевки полка морской пехоты с целью удара во фланг и тыл группировки противника были выделены боевые корабли эскадры (2 крейсера и 4 эсминца), а в Одессе сформирован отряд высадочных средств (канонерская лодка, сторожевой корабль, 12 сторожевых катеров, 12 катеров КМ, 10 баркасов и буксир). К отправке в Одессу был подготовлен 3-й Черноморский полк капитана К.М. Кореня, закончивший формирование в Севастополе из разных флотских частей. Высадка с моря должна была сопровождаться воздушно-парашютным десантом и прикрываться с воздуха авиабригадой и авиаполком.

Посадка на корабли началась утром 21 сентября в Севастополе. «Красный Крым» принял 721 человека, «Красный Кавказ» – 996 человек, эсминцы «Безупречный» и «Бойкий» взяли на борт по 106 человек. Высадка под командованием контр-адмирала С.Г. Горшкова была осуществлена ночью 22 сентября после артиллерийской подготовки места десанта с моря. Во второй половине дня немецкая авиация нанесла серьезные повреждения эсминцам «Безупречный» и «Беспощадный». Однако замысел десантной операции в полной мере оправдался. Румынские войска, понеся большие потери и оставив советским войскам трофеи, были отброшены на 8–10 км от города, что не позволяло им вести прицельный обстрел порта, тем самым существенно укрепив положение в осажденной Одессе.

Опыт десантирования в Григорьевку показал необходимость надежного прикрытия авиацией отряда на переходе морем и в районе высадки, а также необходимость иметь для ее ускорения большее количество средств доставки десантников на берег с крупных кораблей.

Флот успешно справился с эвакуацией из Одессы войск, гражданского населения и военных грузов, когда положение в городе приобрело критический характер. Эвакуация проводилась в три этапа с 1 по 15 октября. За ее время из города было вывезено 86 тыс. бойцов, 15 тыс. гражданского населения, 3625 лошадей, 462 орудия, 11 танков, 3 бронемашин, 1152 автомашин, 163 транспорта, более 25 тыс. т различных грузов¹¹⁹. При этом вражеской авиацией был потоплен только один транспорт «Большевик», шедший без пассажиров и грузов. Успех эвакуации был обеспечен, в том числе и благодаря воздушному прикрытию советской авиации. С 29 октября по 6 ноября был эвакуирован Тендеровский боевой участок в районе Тендровской косы Днепро-Бугского лимана. Кроме мелких судов, к эвакуации были привлечены крейсера «Красный Кавказ», «Червона Украина» и три эсминца. В следующие дни флот был переори-

¹¹⁸ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941–1942 гг. М., 1983. С. 238.

¹¹⁹ Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941–1942 гг. М., 1983. С. 237.

ентирован на основную задачу обороны Севастополя, вокруг которого с суши сжималась дуга блокады.

1.3. Авиация при обороне Крыма 1941 г

Хазанов Д.Б.

Крым всегда занимал особое место в нашей военной истории, истории флота и авиации в частности. Находящийся на южном побережье полуострова г. Севастополь с 1804 г. являлся Главной базой Черноморского флота (командовал с марта 1939 г. вице-адмирал Ф.С. Октябрьский), что сказалось на предвоенных замыслах советского командования в случае начала боевых действий – от моряков требовалось содействовать войскам на приморском фланге, в обороне побережья и военно-морских баз. Вынуждена была считаться с мощью флота (линкор, 6 крейсеров, 3 лидера, 13 эсминцев, 47 подводных лодок, другие корабли) в своих агрессивных планах летом 1941 г. и гитлеровская Германия.

ВВС флота, которыми перед войной командовал генерал-майор В.А. Русаков, имели бригадную организацию и являлись составной частью флота, насчитывали на 22 июня 632 боевых самолета, преимущественно устаревших типов¹²⁰. Истребителей МиГ-3 имелось 16 – их освоивал 32-й иап ВВС ЧФ, а освоение истребителей Як-1 и бомбардировщиков Пе-2, по существу, началось только после начала боевых действий. Части и подразделения флотской авиации были разбросаны на всему Черноморскому побережью, но Крым играл очень важную роль – здесь базировались главные силы: два из трех авиаполков истребительной бригады и оба полка (бомбардировочный и минно-торпедный) бомбардировочной бригады, а также 5 отдельных эскадрилий – всего 364 самолета. В Севастополе находился и штаб ВВС ЧФ.

Наряду с положительными моментами в боевой подготовке экипажей имелось немало недостатков. Например, в истребительной авиации были слабо отработаны элементы боя звеном и эскадрильей, прикрытие группы бомбардировщиков, недостаточная практика ночных полетов и взаимодействие с системой ПВО ночью. В бомбардировочной авиации экипажам недоставало опыта длительных маршрутных полетов, они слабо маневрировали в зоне зенитного огня, лишь единицы могли пилотировать в облаках с использованием средств радионавигации, не тренировались в нанесении ударов по наземным целям. Как показало дальнейшее, времени для устранения этих недоработок уже не осталось – война стремительно приближалась.

Как теперь известно, германское командование определило единое время для вторжения своих самолетов в воздушное пространство СССР 22 июня 1941 г. – 3 ч 15 мин по средневропейскому времени или 4 ч 15 мин по московскому по всей границе. Однако были и исключения: аэродром у литовского Алитуса и базу флота в Севастополе атаковали раньше. Около 3 ч к оперативному дежурному штаба Черноморского флота капитану 3-го ранга Н.Т. Рыбалко от постов ВНОС стали поступать донесения о шуме моторов самолетов, идущих курсом на Севастополь. Такие же донесения получил и штаб противовоздушной обороны. Своих самолетов в воздухе не было, и начальник штаба флота контр-адмирал И.Д. Елисеев приказал зенитной артиллерии главной базы и стоящим на рейде кораблям открыть огонь. Над базой вспыхнули лучи прожекторов, и сразу же послышались первые залпы.

Вскоре после появления вражеских самолетов почти одновременно раздались два мощных взрыва: один в районе Приморского бульвара, а другой в центральной части города. Командующий флотом доложил наркому ВМФ, что Севастополь бомбят. Как выяснилось позднее, с самолетов сбрасывались не бомбы, а мины на парашютах. Действительно, командование 4-го Воздушного флота поручило отряду 6/КГ4, возглавлявшемуся капитаном Х. Ланге, ночной постановкой неконтактных мин закупорить корабли в бухтах главной базы, а затем уничтожить

¹²⁰ Военно-Воздушные Силы Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне. Ч. 3. М., 1962. С. 11.

их ударами бомбардировочной авиации. Вот запись в дневнике 4-го ВФ от 22 июня: «II группа 4-й бомбардировочной эскадры 4-го авиакорпуса еще в темноте силами 9 He 111 атаковала Севастополь. В гавани находился линкор "Парижская коммуна"...»¹²¹

Налет немцам не удался, заставить врасплох наши корабли германские экипажи не смогли. Зенитчики открыли мощный огонь, помешав точно выполнить минные постановки, и также доложили о двух сбитых вражеских миноносцах. Несомненно, позитивную роль в повышении боеготовности сыграла срочная телеграмма, направленная в адрес Военного совета Черноморского флота наркомом ВМФ адмиралом Н.Г. Кузнецовым: «Оперативная готовность № 1 немедленно...» Содержание телеграммы тут же доложили начальнику штаба флота, и примерно к 3 ч ночи разнородные силы флота выполнили предписание флотоводца. Главная база черноморцев оказала более организованное сопротивление, чем наша любая другая военная база, подвергшаяся нападению летом 1941 г.

При минировании бухты 22 июня, как и в последующих рейдах, противник использовал донные мины типа LMB неконтактного действия, т. е. для их срабатывания не требовалось непосредственного контакта судна с датчиком цели данной мины. Их сбрасывали на парашютах. Вечером первого военного дня в Севастопольской бухте подорвался буксир СП-12, погибло 26 чел., это была первая, но далеко не последняя жертва нового оружия, которое не удавалось протралить привычными средствами. 26 июня в хронике боевых действий на море появилась запись: «Командование ЧФ сильно озабочено отсутствием эффективных средств борьбы с немецкими магнитными минами, поэтому тщательно изучалась неразорвавшаяся в Севастополе немецкая мина... В качестве первого возможного средства борьбы с ними командующий приказал организовать береговые и морские (на шлюпках и катерах) посты наблюдения для пеленгования мест падения мин...»¹²²

В конце июня 1941 г. на всех флотах были созданы группы размагничивания кораблей, причем Черноморскую группу возглавил опытный специалист И.В. Климов. Содействие и непосредственную помощь в работе ей постоянно оказывали начальник технического отдела флота И.Я. Стеценко, флагманский инженер-механик Б.Я. Красиков, Военный совет ЧФ. 8 июля в Севастополь прибыла из Ленинграда группа научных сотрудников ЛФТИ, которая привезла с собой аппаратуру для измерения магнитных полей кораблей. Под началом профессора А.П. Александрова была развернута работа по изучению и применению английского опыта размагничивания кораблей, согласно договоренностям между советским и британским правительствами и военно-морскими ведомствами – это был первый реальный опыт военного сотрудничества будущих союзников с начала Великой Отечественной, он позволил сохранить не одну человеческую жизнь.

Одновременно с минированием (до 15 июля самолеты из II/ KG4 только в районе Севастополя выставили до 120 авиационных мин) продолжалась воздушная разведка Главной базы. Как правило, вражеские самолеты проникали сюда на большой высоте ранним утром или на заходе солнца, старались использовать пасмурную погоду. Утром 25 июля (по другим данным, 27-го) Do 215 из 3/ObdL был сбит воздушным тараном, ставшим первым на Черноморском флоте. После донесения с поста ВНОС с Качинского аэродрома поднялась пара МиГ-3 из 32-го иап ВВС ЧФ. Разведчик шел на высоте 7000 м, и при наборе у ведомого лейтенанта П.А. Телегина перегрелся мотор, он вышел из боя и приземлился в Евпатории. Стрелки разведчика повредили машину лейтенанта Е.М. Рыжова, однако он продолжил бой, а когда заклинило оружие, пошел на таран. Через три часа после приводнения катер подобрал сильно ослабевшего смельчака и доставил в Одессу; вскоре его наградили орденом Красного Знамени.

¹²¹ ВА/МА. RL 8/32 «Tagesberichten 4. Fliegerkorps».

¹²² Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.-Л., 1945. С. 14.

С конца лета 1941 г. войска, находящиеся в Крыму, спешно готовили к боям. 51-я армия была сформирована тогда же на базе 9-го стрелкового корпуса с непосредственным подчинением Ставке ВГК (на правах фронта) и имела, по мнению вышестоящего командования, достаточно сил для решения главной задачи – не допустить вторжения неприятеля в Крым по суше через Перекопский перешеек и Сиваш. При этом командующий армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов и его штаб распределили свои соединения примерно равномерно по всему полуострову, включая побережье, считая реальной угрозой крупные десанты врага с моря, несмотря на полное господство Черноморского флота, и воздуха.

В Крыму по-прежнему базировались крупные силы авиации флота, а ВВС собственно 51-й армии первоначально состояли из 182-го иап (командир – майор М.П. Нога) и 247-го иап (командир – майор М.А. Федосеев), а также 21-го дбап под командованием Героя Советского Союза подполковника Г.М. Прокофьева. Здесь же располагалась группа бомбардировщиков Краснодарских курсов усовершенствования ВВС (на самолетах СБ и ДБ-Зф), которые вскоре дополнили предыдущую часть. Возглавил сухопутную авиацию Крыма полковник В.А. Судец, ранее, до его расформирования, командовавший 4-м авиакорпусом Главного командования. Перед этими силами командующий 51-й отдельной армией генерал Кузнецов ставил множество задач: сорвать вместе с пехотой и кавалерией развертывание и сосредоточение противника на подходе к Крымскому полуострову, и особенно принять участие в борьбе с воздушными и морскими десантами. Считалось, что немцы обязательно будут их выбрасывать или высаживать, чтобы растянуть советскую оборону.

Как теперь понятно, прогноз командующего совершенно не оправдался. Представляя в конце августа 1941 г. на утверждение в Ставку план обороны полуострова, генерал Ф.И. Кузнецов, в частности, писал: «Центр Крыма – сплошной аэродром, что точно известно врагу. Противник не пойдет на авантюру высадки воздушного десанта изолированно от действий на северном направлении, но он может попытаться высадить воздушный десант несколько ранее наступления своих главных сил с севера, увязав во времени высадку морского и воздушного десантов, чтобы дезорганизовать наш тыл и оттянуть наши силы с перешейков. Надо ожидать высадки крупных авиадесантов до 15–20 тыс. чел.». Делается ошибочный вывод: «Центр Крыма – второе по значению операционное направление»¹²³.

В конце лета 1941 г. немецкая авиация в Крыму перешла от выполнения чисто разведывательных заданий к бомбардировкам городов, правда, силами лишь 10–12 Ju 88 или He 111. Так, вечером 30 августа авиабомбы упали на Севастополь, Керчь, Джанкой, а на следующий вечер – Евпаторию. Тем временем, преодолев сопротивление советских войск в районе Каховского плацдарма, части 11-й германской армии, которую незадолго до этого возглавил генерал-полковник Э. фон Манштейн, начали выходить к крымским перешейкам. В начале сентября люфтваффе бомбили крупными авиабомбами Армянск и Перекоп, предполагая наличие там войсковых штабов.

Советское командование оценивало ситуацию как тревожную. Разведывательные полеты авиаторов-черноморцев в северном направлении подтверждали опасения. Нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов и его заместитель вице-адмирал Г.И. Левченко потребовали от командования Черноморского флота энергично задействовать морскую авиацию на сухопутном фронте. В результате в одном из командных пунктов штаба в Каче 13 сентября 1941 г. состоялось совещание под председательством заместителя командующего ВВС ЧФ генерал-майора В.В. Ермаченкова, было принято решение создать сводную морскую авиагруппу, куда первоначально передали семь подразделений из различных полков с базированием на полевых аэродромах в районе поселка Фрайдорф (ныне Новоселовка, южнее Армянска и северо-восточнее Евпато-

¹²³ Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1968. С. 425.

рии), по имени которого авиагруппа и получила свое название (полное наименование: «Фрайдорфская истребительная авиагруппа ВВС ЧФ»).

Приказ о создании авиагруппы был подписан в тот же день, перебазирование закончилось 14-го, планировалось начать боевую работу на следующее утро, причем основной задачей считалась штурмовка наземных целей. Командиром назначили опытного майора А.З. Душина, его заместителем – капитана В.И. Мелихова, начальником штаба – полковника Я.Я. Страутмана. Первоначально группа состояла из 76 машин, преимущественно устаревших: 13 И-15бис, 3 И-153, 32 И-16 (половина из них ранних серий с моторами М-25 и двумя пулеметами и лишь 6–7 машин с пушками ШВАК), 7 Як-1, 9 У-2б (самолет первоначального обучения, переделанный в легкий ночной бомбардировщик) и 12 МБР-2. Общее руководство боевыми действиями авиагруппы возлагалось на генерала В.В. Ермаченкова, материально-техническое обеспечение частей на передовых аэродромах – на 29-ю авиабазу, которой командовал капитан Ф.Ф. Клещенко¹²⁴.

При нанесении бомбоштурмовых ударов по неприятелю 17 сентября, например, некоторые экипажи Фрайдорфской авиагруппы три раза поднимались в небо. Дальнейшее повышение активности советской авиации, отмечавшейся в последней декаде сентября, оказалось очень своевременным. К тому же значительные усилия 4-го германского авиакорпуса потребовалось направить на одесское направление, поскольку, как записал в дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, «румыны не смогут взять Одессу одни; Антонеску требует [от германского командования] 1) войска и 2) помощь авиацией»¹²⁵. Летчики Фрайдорфской авиагруппы, которую удалось существенно пополнить людьми и самолетами, преимущественно участвовали в штурмовых ударах по колоннам немецких войск, которые попытались с ходу ворваться в Крым. Наряду с «мессершмиттами» и зенитками много проблем морским летчикам, особенно молодым, доставила сложность ориентировки над совершенно плоской, покрытой только травой солончаковой степью.

Командующий 11-й германской армией генерал Манштейн весьма пессимистически оценивал обстановку в небе над безлесными, лишенными естественных укрытий районами, которая не позволяла войскам замаскироваться: «Господство же в воздухе принадлежало советской авиации. Советские бомбардировщики и истребители непрерывно атаковали всякую обнаруженную цель. Не только пехота на переднем крае и батареи должны были окапываться, приходилось отрывать окопы и для каждой повозки и лошади в тыловой зоне, чтобы укрыть их от авиации противника. Дело доходило до того, что зенитные батареи не решались уже открывать огня, чтобы не быть сразу же подавленными воздушным налетом...»¹²⁶

Наоборот, в отчете штаба ВВС 51-й армии дается положительная оценка применения армейской и флотской авиации в Крыму. Имея всего 437 самолетов, по-прежнему преимущественно устаревших, включая 146 гидросамолетов, ВВС 51-й армии и Фрайдорфская авиагруппа с 20 по 30 сентября 1941 г. выполнили 2127 самолетовылетов, сбросили на противника 389 т бомб и выпустили 267 тыс. различных снарядов. По докладам летного состава, было разбито на аэродромах 24 самолета и 70 сбито в воздушных боях при собственных потерях в 37 боевых машин. Бомбоштурмовыми ударами уничтожено на поле боя 19 танков, 231 автомашина, подавлен огонь или выведено из строя 25 орудий (6 батарей)¹²⁷.

Ставка ВГК пыталась за счет своих резервов усилить воздействие на войска противника в Северном Крыму. По ее указанию только что созданная для применения на Южном фронте РАГ-5 подполковника П.Г. Степановича в течение всего дня 26 сентября, когда части 11-й

¹²⁴ ОЦВМА. Ф. 149. Д. 4750. Л. 1, 2.

¹²⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Кн. 1/Пер. с нем. И., 1971. С. 376.

¹²⁶ Манштейн Э. Утраченные победы/Пер. с нем. М.-СПб., 2002. С. 242.

¹²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 2. Л. 134.

немецкой армии пробивали бреши через Перекопский вал и обстановка накалилась, должна была в полном составе – всеми тремя полками, насчитывающими 55 самолетов новых типов, – уничтожить неприятельскую пехоту и технику, вести борьбу с артиллерией. «Организацию взаимодействия с войсками 51-й армии провести члену Военного совета ВВС КА [армейскому комиссару 2-го ранга] т. Степанову с командующим 51-й армией», – указывалось в директиве¹²⁸.

Казалось, сказанное в авторитетных немецких и советских источниках трудно оспорить. Однако перевесом в воздухе скорее обладали немцы. За ними были значительный боевой опыт и летное мастерство большинства экипажей. К тому же переброска в середине сентября целой эскадры пикирующих бомбардировщиков StG 77 (правда, не более чем на две недели, поскольку потом соединение в полном составе приступило к поддержке прорыва группы генерала Г. Гудериана к Москве с юга) заметно усилила группировку генерала К. Пфлюгбайла, а перебазирование частей JG 77 на аэродром Чаплинка, в непосредственную близость от Перекопа, позволило германским истребителям сразу после взлета вступить в бой с советской авиацией. Всего немцы располагали до 300 боевых самолетов, включая примерно 125 двухмоторных бомбардировщиков и 75 пикировщиков¹²⁹.

¹²⁸ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1968. С. 210.

¹²⁹ Морозов М.Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007.

Немецкие пехотинцы перед атакой на Перекопе. Позади солдат противотанковое ружье и плита 50-мм миномета.

«12 сентября был первый массированный удар авиации по Перекопу, и с этого времени активность 4-го германского Воздушного флота ежедневно повышалась, – вспоминал заместитель командарма-51 генерал-лейтенант П.И. Батов, наблюдая из опорного пункта «Червоний чабан». – Над Перекопским валом немецкие самолеты появлялись с утра и не оставляли нас в покое до вечера. Небольшими группами они заходили от Сиваша и, следуя один за другим, клали и клали бомбы по гребню. В морской дали скрывается одна группа, а от Сиваша появлялась другая. Не оставалось, кажется, непораженным ни метра. Плотность при массовой бомбежке была такая, что однажды произошло прямое попадание в корабельную башню, поставленную на валу в качестве НП начальника дивизионной артиллерии...» Павел Иванович резюмировал: «Под сильным давлением с воздуха мы особенно остро ощущали в те дни слабость нашего авиационного прикрытия»¹³⁰.

Наличие одномоторных Ju 87 дало немцам осязаемое преимущество, поскольку эти самолеты, во-первых, позволяли достигать высокой меткости бомбометания, поражая с пикирования то укрепления, то артиллерийские позиции, то наши контратакующие танки, если экипажам не мешали советские истребители и, во-вторых, действовали по боевым порядкам

¹³⁰ Батов П.И. В походах и боях. М., 1974. С. 50–52.

советских войск и наносили ощутимый урон, в то время как «сталинские соколы» преимущественно атаковали в ближнем тылу такие цели, как обозы, подходящие резервы, многочисленные удаленные от переднего края артиллерийские и минометные батареи; часто подобные удары не оказывали непосредственного влияния на исход конкретного боя, вопреки утверждению Манштейна.

Используя преимущественно авиабомбы ФАБ-50, АО-25 и более мелкие, советские летчики значительную часть вылетов выполнили ночью. Даже с учетом того, что немецкие бомбардировщики часть усилий сосредоточили на подавлении сопротивления Одесского оборонительного района, другую часть – на действия на коммуникациях между Крымом и Новороссийском, тоннаж сброшенных врагом авиабомб на советские позиции на Перекопском перешейке по крайней мере вдвое превосходил наш ответный залп. Степень использования каждого самолета (всего в среднем за 10 дней примерно 5 боевых вылетов на самолет) у нас также были существенно ниже, чем у противника. А вот оценку результатов ударов, особенно по бронированным целям, следует считать излишне оптимистичной.

Приведем примеры. В сводке за 26 сентября сообщается: «Днем 11 Пе-2 под прикрытием истребителей снова бомбили немецкие части в районе Перекопа; было уничтожено 8 танков и 11 автомашин». 29 сентября: «В первую половину дня 12 Пе-2 в сопровождении 5 ЛаГГ-3 бомбили вражеские войска на Перекопском перешейке; уничтожено до 40 автомашин и до двух рот пехоты противника. Во вторую половину дня 5 СБ и 8 Пе-2 снова бомбили войска на Перекопском перешейке; были отмечены три прямых попадания в танки». Следует добавить, что, согласно аналогичным сводкам, три вражеских танка были уничтожены ударами с воздуха 8 октября, семь – 9-го, и только в утреннем ударе 18 октября достигнуты прямые попадания по 10 танкам¹³¹.

Надо иметь в виду, что в германской группировке, согласно немецким источникам, вовсе отсутствовали танки и имелось всего 18–20 штурмовых орудий в составе 190-го легкого дивизиона штурмовых орудий. Следовательно, все вышеприведенные донесения об уничтожении многочисленных танков, якобы подтвержденных фотоснимками, нельзя считать достоверными (кстати, советские танковые части в Крыму, абсолютное большинство которых – танкетки Т-37/Т-38, ранее принадлежавшие 4-му воздушно-десантному корпусу и вывезенные до начала войны на полуостров для ремонта, реально пострадали от ударов с воздуха, в том числе от обстрелов немецкими истребителями). Далее. Если просуммировать доклады наших летчиков, то не менее 50 самолетов, преимущественно «мессершмиттов», они сожгли или разрушили в конце сентября – начале октября на аэродромах Чаплинка, Аскания-Нова, Доренбург и др. Но в немецких документах зафиксирована гибель за сентябрь–октябрь 1941 г. в результате налетов на аэродромы к северу от перешейка только одного Bf 109 и одного Ju 52.

Обратимся к сводке штаба Черноморского флота за 27 сентября, где говорится о том, что в этот день после тщательной разведки авиация противника совершила с 13 ч 30 мин до 15 ч нападения на аэродромы Сарабуз, Кача, Евпатория, причем первый, где после сброса бомб вражеские летчики проштурмовали стоянки и постройки, наиболее пострадал: «На аэродроме Сарабуз погибли три и получили ранения 20 чел., незначительно повреждены два ангара, выведены из строя три авиамотора и водомасляный заправщик, повреждены один У-2 и трактор; на аэродроме Кача поврежден один МиГ-3»¹³². Если экипажи «юнкеров» и «мессершмиттов», хорошо подготовленные к нанесению подобных ударов, не причинили сколь-нибудь ощутимого урона аэродромным постройкам и стоящей там технике, то почему советские командиры легко соглашались с тем, будто подразделение, скажем, И-5 или И-15бис уничтожало по 3–7 неприятельских самолетов за один заход?!

¹³¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.-Л., 1945.

¹³² Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.-Л., 1945. С. 150.

Лучшие советские летчики отличались мужеством и высокой техникой пилотирования, но вот в тактическом отношении заметно уступали в то время противнику. Впрочем, опыт наши приобретали и обобщали достаточно быстро, что видно из воспоминаний генерала М.В. Авдеева, тогда ст. лейтенанта 8-го иап, летавшего на Як-1: «Собственно, пара истребителей как боевая единица у нас тогда официально не существовала. Было звено, впереди командир – ведущий, по сторонам, сзади, прикрывали его левый и правый ведомые. На самолетах с малыми скоростями такой строй не сковывал свободы маневра и вполне себя оправдывал. Но для новых скоростных истребителей ни новое построение, ни новая тактика разработаны еще не были. Творчески мыслящие летчики сами вносили поправки... Свобода маневра и взаимное прикрытие обеспечивались незначительным удалением правого ведомого и в три-четыре раза большим – левого. Молодые же летчики по-прежнему жались крылом к крылу и не могли воспользоваться преимуществом новых машин...»¹³³

Однако истребителей новых типов в боях над Перекопом и Ишунью участвовало очень мало, часто переход от звена к паре становился вынужденной мерой. Как следует из исследования М.Э. Морозова, в течение сентября 1941 г. ВВС ЧФ получили 13 Як-1, 29 МиГ-3 и 8 ЛаГГ-3, из которых лишь несколько попали на фронт в составе 62-го авиаполка¹³⁴. Причина такого положения прежде всего кроится в указании командующего флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского использовать скоростные «ястребки» в первую очередь для ПВО базы. Командующий ошибочно полагал, будто флоту не придется вести серьезных боевых действий на суше, и ко всем отвлечениям от морского направления относился как к временному явлению. Именно этим и объясняется тот факт, что для действий на севере Крыма было выделено не полнокровное соединение или соединения, а сводная группа, которая даже не имела нормального штаба и средств связи. На старых машинах чисто теоретически было невозможно организовать управление с земли – они не имели даже приемников. К тому же разнотипная авиационная техника частей и подразделений Фрайдорфской группы значительно усложняла поддержание высокой боеготовности. Очень непросто было и организовать взаимодействие, когда в группах при массированном ударе принимали участие самолеты 5–6 типов с сильно отличающимися летными характеристиками.

Постепенно бои приобретали все более ожесточенный характер, наши потери существенно возросли. Сохранился рапорт командиру эскадрильи от пилота 32-го иап сержанта Н. Николаева об одном из боев 9 октября: «После выполнения боевого задания в районе Григорьевки сопровождали бомбардировщиков на обратном пути. В районе Ишуни пилот мл. лейтенант Колесников отстал, и больше я его не видел. Командир звена т. Аллахвердов подал сигнал подойти ближе. В это время нас обстреляла зенитная артиллерия противника. Пристроившись к командиру звена на высоте 3000 м, я почувствовал в 15.52 попадание снаряда зенитки по правой плоскости. Мл. лейтенант Аллахвердов сделал левый переворот, а я стал разворачиваться вправо. При этом меня со стороны солнца атаковал один Вф 109. Попал левой плоскости: самолет загорелся. Я под прикрытием подполковника Юмашева на самолете Як-1 пошел на снижение на свою территорию. На горящем самолете произвел посадку в 16.45 в районе Мунус-Татарский на брюхо. Самолет сгорел, сам имею легкие ушибы справа: руки, ноги, спины. После приземления видел, как три Вф 109 гнались за Аллахвердовым на малой высоте, зажгли его, после чего он врезался в землю. Летчик и самолет сгорели»¹³⁵.

В этот день (при 84 ночных и 23 дневных вылетах потери составили 5 истребителей) едва остался в живых один из лучших бойцов морской авиации командир эскадрильи 32-го иап капитан И.С. Любимов. Летая днем и ночью, в разных метеоусловиях, Иван Степанович

¹³³ Авдеев М.В. У самого Черного моря. Кн. 1. М., 1968. С. 26.

¹³⁴ Морозов М.Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007.

¹³⁵ Авдеев М.В. Указ. соч. С. 76–77.

зарекомендовал себя не только храбрым и мужественным бойцом, но и дисциплинированным, исключительно ответственным за судьбы своих подчиненных. При 115 боевых вылетах с налетом 140 ч на его боевом счету к 25 сентября значились два сбитых истребителя и один бомбардировщик противника. К 9 октября счет черноморца пополнился еще одной личной и одной групповой победой. В жестоком бою его Як-1 был поврежден, летчик получил ранение, но сумел посадить машину в степи на колеса. Однако «мессершмитты» решили добить «як» на земле, зажгли его и вторично тяжело ранили разрывными пулями Любимова во вторую ногу. В госпитале Севастополя ступню пришлось ампутировать, однако и с протезом летчик после излечения продолжал летать, громить врага. Он закончил войну на Черном море полковником, командиром 4-й иад ВВС ЧФ, Героем Советского Союза.

Штурмовые орудия на марше. САУ этого типа являлись основным типом бронетехники, использовавшимся немцами в Крыму.

Если «яки» являлись лучшими истребителями для воздушного боя, то бронированные «илы» успели зарекомендовать себя наиболее эффективным средством уничтожения различных наземных целей. 11 октября 1941 г. командир звена 103-го шап (ВВС 51-й армии) лейтенант Г.Т. Кузнецов повел четверку штурмовиков в район Перекопа. Требовалось во что бы то ни стало подавить огонь вражеской артиллерии, которая засыпала снарядами окопы обороняющихся советских войск. Четверка Ил-2 не только подавила этот огонь, но и не менее 20 минут штурмовала траншеи, расстреливая засевших в них солдат, невзирая на огонь зенитного и стрелкового оружия. Израсходовав боезапас, ведущий стал уводить группу от цели. Когда до своего аэродрома Новоцарицыно осталось совсем немного, самолет ведущего стал периодически рыскать по курсу и высоте. На подходе к аэродрому командир группы покачал крыльями, резко клюнул носом – сигнал роспуска – и, не выпуская шасси, с ходу пошел на посадку. Подбежавшие техники открыли фонарь и увидели, что Кузнецов скончался – у него под левым глазом торчал осколок зенитного снаряда.

Список героев осенних боев в Крыму дополнили два летчика, выполнившие воздушные тараны недалеко от Севастополя. 28 сентября 1941 г. отличился ст. лейтенант С.Е. Карасев из 32-го иап ВВС ЧФ, который с утра в паре с мл. лейтенантом Я.М. Ивановым (о его подвиге будет рассказано ниже) патрулировал недалеко от Качи. Как это обычно бывало, немецкие разведчики появлялись над Главной базой на больших высотах; наши летчики-истребители искали неприятеля в разрыве облаков и почти всегда выше себя. Сохранился и был потом напечатан рассказ самого Семена Евстигнеевича Карасева:

«Самолет МиГ-3 был высотным истребителем, поэтому мы быстро нагнали вражеский разведчик. Это был Ju 88. Я открыл огонь по кабине. Успел дать только две очереди, как мои пулеметы замолкли. Я их перезарядил и в упор открыл огонь по мотору «юнкерса». Но пулеметы вновь отказали. К тому времени в нашем полку уже имелись некоторые теоретические разработки техники воздушного тарана: с какой стороны лучше заходить, на какой скорости, чем предпочтительнее наносить удар. В бою я все это вспомнил и решил винтом отрубить «юнкерсу» руль высоты. Уровняв скорости, стал подводить свой самолет к стабилизатору разведчика. Но воздушная струя Ju 88 сильно потрянула МиГ-3, с меня сорвало очки и кислородную маску. Лопасты винта в каких-то сантиметрах, а может быть, и миллиметрах прошли сзади стабилизатора со свастикой, не задев его.

Даю газ и делаю вторую попытку таранить. И опять мой самолет болтануло, и он оказался над правой плоскостью «юнкерса». Тогда я убрал газ, несколько отстал и метрах в пяти от себя увидел, как стволы пулеметов вражеского самолета поворачиваются в мою сторону. Медлить больше было нельзя, и я свалил «миг» на хвост «юнкерса». Хорошо помню, как дернул кольцо парашюта, как он раскрылся. Видел, как из падающего разведчика выбросились два фашиста на парашютах, как подо мной быстро неслись катера, чтобы успеть подобрать приводнившихся... Но когда я поднялся на борт, меня встретили враждебно, приняв, видимо, за гитлеровца. Я стащил кожаный реглан, и на рукаве кителя краснофлотцы увидели пятиконечную звезду. Тут же окружили меня заботой, как ребенка...»¹³⁶

Через 20 дней, 18 октября 1941 г., героем дня снова стал летчик 32-го полка, снова летавший на МиГ-3. На этот раз таран выполнил лейтенант Н.И. Савва. В паре с лейтенантом Е.М. Рыжовым, уже сбившим врага ударом собственного самолета, он на высоте 6000 м атаковал вражеский разведчик Do 215 в районе Балаклавы. Пулеметный огонь немецких стрелков повредил мотор «мига» Рыжова, тот вынужден был выйти из боя и вернуться на свой аэродром. Ведя бой в одиночку, Николай Иванович заставил замолчать стрелка и вывел из строя один из моторов разведчика. Но вскоре боеприпасы закончились, а неприятель уходил. Тогда Савва прибавил скорость и направил свой «миг» на правый киль вражеского самолета. Лопасты винта отрубили у «дорнье» руль управления. Разведчик сорвался в штопор и рухнул в море в 40 км от берега.

И Карасева, и Савву наградили орденом Красного Знамени. Но судьбы их сложились по-разному. Первый закончил войну в звании майора, будучи заместителем командира 11-го гв. иап ВВС ЧФ. Всего на его счету 9 вражеских самолетов, сбитых им лично или в группе с товарищами. Второй оборонял Крым, а затем в 7-м иап ВВС ЧФ участвовал в защите Кавказа. Всего он уничтожил 3 самолета. 14 января 1942 г. при взлете с аэродрома Анапа в сложных погодных условиях его МиГ-3 задел за препятствие и разбился вместе с летчиком. В результате осенних таранов 1941 г. немцы лишились Ju 88 из 3(F)/121 и Do 215 из 3(F)/ObdL и восьми опытных членов экипажей. Четыре немецких авиатора с «дорнье» успели выпрыгнуть с парашютами и опустились в море. Но наш сторожевой катер смог обнаружить лишь одного немца, когда тот уже был мертв...

¹³⁶ Дорохов А.П. Герои черноморского неба. М., 1972. С. 43–44.

Как известно, эвакуацию гарнизона длительно и героически обороняемой Одессы советскому командованию удалось провести весьма организованно, с минимальными потерями. Лишь судно «Большевик» потопила вражеская авиация. Приморской армии генерал-майора И.Е. Петрова теперь предстояло усилить оборону Крыма. Казалось, что летчики-черноморцы, накопившие немалый опыт борьбы с немецко-румынской авиацией, вскоре также волеются в ряды защитников Крыма. Но перелет сводной группы морской авиации (шесть И-16 и пять Як-1) капитана Ф.И. Демченко, который одним из первых вылетел на патрулирование над Севастополем на рассвете 22 июня 1941 г., завершился 13 октября для большинства трагически – лишь три истребителя благополучно приземлились.

Среди погибших был не только командир, но и военком группы ст. политрук В.М. Моралин, находившийся за бронеспинкой командирского «ишака». Тяжелое ранение получил при аварии герой летних боев с врагом над северо-западным участком Черного моря капитан В.Н. Вальцефер – после выздоровления он служил на штабной должности.

Предательскую роль в случившемся сыграла отвратительная погода: сильный ветер, незначительная видимость. Явная вина лежит и на организаторах перелета, которые даже не организовали подсвета полосы в Евпатории, где должна была приземлиться группа. К утру 16 октября огромный караван из 120 вымпелов растянулся от Одессы до Тарханкута, западной оконечности Крымского полуострова, над ним периодически барражировали наши самолеты разных типов, другие, покидая район Одессы, наносили завершающие удары по врагу. За 15 и 16 октября авиация Черноморского флота потеряла здесь 6 истребителей и пять летчиков, трое получили в бою ранения, и их вывезли катерами. Вероятно, двух-трех бомбардировщиков недосчитались тогда немцы...

Мысленно вернемся на Крымскую землю. Понимая, что без достижения решающего перевеса в небе над Перекопом и Ишуньскими позициями Манштейн не сможет успешно наступать в глубь Крыма, Генеральный штаб люфтваффе срочно усилил действующую здесь немецкую авиацию, прежде всего истребительную. В дополнение к штабному отряду и группе III/JG77 прибыла 16 октября из-под Москвы (с аэродрома Сещинская) в Чаплинку, ставшую местом сосредоточения «мессершмиттов», авиагруппа II/JG3 и сразу вступила в сражение над степным Крымом. Через пять дней к ним добавилась III/JG52 (правда, группу II/JG77 перевели на поддержку наступления 1-й танковой группы на Ростов). Вновь прибывшие части активно участвовали в «свободной охоте», обеспечивали действия бомбардировщиков и пикировщиков, вели разведку.

Перед этим, казалось, вполне возможен перелом в нашу пользу. Настроение многих летчиков-черноморцев почувствовал генерал К.Д. Денисов, в то время ст. лейтенант, комэск 8-го иап ВВС ЧФ, который писал: «С сознанием успешно выполненной боевой задачи летчики эскадрильи 18 октября возвращались в Смидовичи. Шли разговоры о том, что скоро Приморская армия прибудет на север Крыма и обстановка резко изменится в нашу пользу. Однако пока положение наших войск на фронте все больше ухудшалось»¹³⁷. Противник же, получив сведения своей разведки о подходе нового объединения, действовал энергично и немедленно приступил к штурму укрепленных Ишуньских позиций. С его стороны пехоту поддерживали большие силы авиации 4-го ВФ. В течение 19 октября они выполнили около 400 самолето-вылетов, включая 157 истребителей, причем основным районом действий германского воздушного флота до конца октября 1941 г. являлось крымское направление.

При оценке воздушных боев, которые все чаще складывались не в пользу «сталинских соколов», надо иметь в виду, что отечественные И-16 и И-153 (а в составе Фрайсдорфской группы имелись и еще более устаревшие машины) значительно уступали в скорости и вертикальной маневренности Bf 109F, имевшимся у противника. Еще важнее представляется, что

¹³⁷ Денисов К.Н. Под нами – Черное море. М., 1989. С. 57.

по боевому опыту и тактическому мастерству германские асы заметно превосходили в то время даже лучших наших бойцов. Так, шесть Пе-2 (ведущий капитан Н.А. Чеботарев) из 40-го бап ВВС ЧФ, вылетевших вскоре после полудня 19 октября в сторону Перекопа, и шедшие под прикрытием такого же количества Як-1 из 8-го иап ВВС ЧФ в полном составе на свой аэродром не вернулись (также противник сбил три «яка»).

Как следовало из немецких отчетов, в бою 19 октября исключительно результативно действовал командир II/JG3 капитан Г. Голлоб, доложивший о трех сбитых «пешках» и двух «яках», преимущественно при выполнении внезапных атак из-за облаков. Однако самым успешным днем аса стал предыдущий – якобы в трех вылетах он уничтожил девять (!) советских истребителей. Всего же за неделю напряженных боев над Северным Крымом Голлоб увеличил личный счет с 58 до 85 (подтверждается советскими документами примерно каждая третья победа), и его удостоили «Дубовых листьев». Впрочем, незадолго до покидания аэродрома Чаплинка и перелета в Германию был сбит и попал в советский плен ведомый командира группы, ставший 13-й безвозвратной потерей части; подлежали списанию с 22 июня 1941 г. примерно 50 Bf 109F, что представляется весьма существенной убылью самолетов.

Прибытие в район Херсона, а затем на крымские аэродромы лучшего на то время гитлеровского аса, самого титулованного летчика и командира В. Мельдерса, первым заслужившего «Бриллианты» к Рыцарскому кресту с Дубовыми листьями и Мечами, много говорило о внимании германского командования к данному направлению (самой эскадры JG51, которой «эксперт» до недавних пор командовал и которая после гибели Мельдерса 22 ноября 1941 г. получила его имя, вопреки мемуарной литературе никогда не было на Крымской земле). По воспоминаниям служившего в III/JG 52 и ставшего впоследствии одним из наиболее результативных асов Восточного фронта Г. Ралля, «каждое утро Мельдерс на штабном "Шторхе" пересекал линию фронта, имея на борту мощную радию... Самолет генерал-инспектора стал передовым постом управления нашей авиацией, что повысило ее эффективность и позволило наносить удары по наиболее важным целям. Таким образом, Мельдерса можно считать пионером новой тактики. Прилетая вечером, он проводил с командирами разбор, отмечая удачи и недостатки».

В течение нескольких дней по тылу 51-й армии действовала группа III/KG55, привлеченная из состава соседнего 5-го авиакорпуса 4-го ВФ. В конце концов, несмотря на значительные потери в людях и технике, немцам удалось завершить прорыв всей нашей зоны обороны на Перекопских позициях и у Ишуни. Вскоре нарушилась система нашей ПВО, что позволило подразделениям самолетов и даже одиночным Ju 87, He 111 и Bf 109 с небольших высот безнаказанно обстреливать и бомбить мелкими авиабомбами как группы людей и колонны, так и отдельные автомашины. «27 октября противник продолжал развивать успех, достигнутый 26 октября. Части Приморской армии продолжали отходить и к 18 ч оборонялись на рубеже... (далее перечислялись татарские и немецкие названия населенных пунктов к северо-западу от Армянска. – *Прим. авт.*). Все части этой армии понесли очень тяжелый урон в личном составе, полки насчитывали от 200 до 500 чел. Управление войсками было нарушено. Появились блуждающие, разрозненные группы, потерявшие ориентировку. Нависла непосредственная угроза прорыва фронта на левом фланге»¹³⁸, – отмечалось в отчете.

В эти тяжелые дни конца октября Ставка ВГК приняла важные кадровые решения. Командующим войсками Крыма назначили заместителя наркома ВМФ вице-адмирала Г.И. Левченко. Был освобожден от должности командующего 51-й отдельной армией генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, его сменил генерал-лейтенант П.И. Батов, одновременно назначенный заместителем Левченко по сухопутным войскам. Произошли изменения и в руководстве флотской авиации – генерал-майора В.А. Русакова в должности командующего ВВС ЧФ заменил

¹³⁸ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.-Л., 1945. С. 197.

участник Гражданской войны в Испании генерал-майор Н.А. Остряков. Прекрасный организатор, он до назначения в сентябре 1939 г. командующим ВВС Тихоокеанского флота последовательно командовал полком и авиабригадой, сам много летал. В командовании ВВС 51-й армии полковника В.А. Судца сменил генерал-майор Е.М. Белецкий, которого через несколько дней назначили также командующим ВВС Крыма.

Тем временем отступление в глубь полуострова проходило неорганизованно, сумбурно. Многие летчики, оставшись «безлошадными», полуголодные, отходили пешком, на грузовых автомашинах, использовали даже стартеры, заправщики, другую специальную аэродромную технику. Автомобили и повозки буквально забили дорогу и обочины, по краям которых перевернутые валялись разбитые машины, телеги, трупы лошадей – результаты действий немецкой авиации. Спасаясь от разящих ударов, некоторые командиры стремились марши перенести на ночное время, другие выбирали для своих групп обходные пути, но они оказывались едва проходимыми, приходилось прилагать огромные усилия, чтобы преодолеть бездорожье в горах. Один из очевидцев отхода, неизвестный летчик Фрайдорфской авиагруппы, вспоминал:

«Как и бывает зачастую при беспорядочном отступлении, никто не мог знать и не знал конечного пункта назначения, люди подчинялись «велению» толпы, стадному рефлексу, двигаться туда, куда направляется вся масса. В подобной ситуации немислимо сохранить порядок и управляемость. Никто не мог предположить, где этот поток может остановиться, на каком рубеже начнется сортировка людей и техники, попытки организовать оборону на новом рубеже. Для колонны [начальника 29-й авиабазы] Ф.Ф. Клещенко в этом вопросе никаких сомнений не было, путь один – быстрее достичь Севастополя, только там можно организовать базирование оставшихся сил авиации флота. При подходе к Севастополю было получено указание следовать на полевой аэродром Чоргунь...»¹³⁹

Танк Т-34, переехавший 50-мм пушку ПАК-38, но затем подбитый и сгоревший. Вероятно, машина принадлежала 5-му тп 51-й армии.

Одним из своих первых приказов в новой должности генерал Н.А. Остряков переформировал все авиационные полки в двухэскадрильные. Излишки самолетов (8 Ил-2 и 3 И-15) подлежало срочно перебазировать на Кавказ, а из имеющихся сил были созданы две нештатные

¹³⁹ Воронов В.И. Последняя ночь Херсонеса. М., 2004. С. 39.

авиационные группы: сухопутных самолетов – на базе управления 8-го иап (командир группы – подполковник К.И. Юмашев) и морских самолетов – на базе Особой морской авиационной группы ВВС ЧФ (командир группы – майор И.Г. Нехаев). По состоянию на 1 ноября 1941 г. под Севастополем имелись 41 истребитель, 10 штурмовиков и 31 лодочный самолет – всего 82 машины.

Даже в такой крайне сложной ситуации некоторые подразделения и отдельные летчики не потеряли самообладания. В документах в пример другим ставилась эскадрилья 18-го полка Героя Советского Союза (высокого звания удостоен за подвиги в «зимней войне») капитана А.А. Губрия, вооруженная Ил-2, которая теперь сражалась под началом командира 8-го иап ВВС ЧФ. По итогам ноябрьских боев 1941 г. Алексей Антонович был удостоен ордена Красного Знамени. В активе эскадрильи 216 успешных боевых вылетов, значительное число уничтоженной неприятельской техники, включая четыре сбитых немецких самолета (два из них на счету комэска), внезапный и результативный налет на аэродром Сарабуз. Кроме командира, героем месяца стал воспитанник Ейской школы морских летчиков ст. лейтенант М.М. Талалаев, который буквально накануне переучился с летающей лодки МБР-2 на Ил-2 и 30 октября 1941 г. выполнил на «ильюше» первый боевой вылет.

При штурмовке 3 ноября вражеских войск на дороге Симферополь – Севастополь неприятель огнем с земли поджег машину мл. лейтенанта Н.И. Николаева, впоследствии Героя Советского Союза. Летчик повел штурмовик на посадку, выскочил из «ильюшина» и как бы замер недалеко от атакованной им колонны. Увидев это и понимая, что немцы вот-вот схватят его друга, Талалаев принял смелое и рискованное решение: садиться рядом! Самолет благополучно приземлился, хотя его сильно качало при пробеге по неровной каменистой почве. Штурмовик не успел до конца остановиться, как Николаев запрыгнул на плоскость, ударом ноги, а затем перочинным ножом вскрыл верхний люк фюзеляжа и втиснулся в Ил-2. Когда штурмовик, ставший двухместным, взлетел, его вблизи самой земли едва не сбил Bf 109, но все завершилось для смельчаков благополучно. «Тов. Талалаев, беспощадно громивший фашистских варваров, достоин представлению правительственной награды – ордена Красного Знамени»¹⁴⁰, – говорилось в документе, подписанном подполковником Юмашевым.

Если экипаж Ил-2 неплохо защищала от ружейного огня и осколков брони, то истребителям, широко использовавшимся в Крыму для поражения наземных целей, приходилось много хуже. 5 ноября во втором вылете ударная группа, собранная из разных частей ВВС ЧФ, вступила в бой с четверкой Bf 109. В качестве объекта атаки одна из пар «мессершмиттов» выбрала И-5 капитана Н.Т. Хрусталева и со второй попытки подожгла машину. Возглавлявший воздушный эскорт ст. лейтенант К.Д. Денисов вспоминал, что И-5 в этот момент летел на небольшой высоте и его пилот мог без труда посадить машину и спасти свою жизнь. Но внизу были немцы, а перспектива плена не прельщала летчика. Вместо посадки он под крутым углом направил свой подбитый истребитель в скопление немецкой техники... Огненный таран Хрусталева стал первым в авиации Черноморского флота.

Кстати, созданные под руководством Д.П. Григоровича и Н.Н. Поликарпова бипланы И-5, выпуск которых начался в 1932–1933 гг., нашли наиболее широкое применение именно осенью 1941 г. в Крыму. Простой при взлете и посадке, самолет мог работать с небольших площадок, обладал хорошей маневренностью, был легок в управлении, но являлся очень тихходным. Сопровождение этих совершенно устаревших самолетов являлось нелегкой задачей для И-16, не говоря уж о Як-1, хотя бы потому, что истребители-монопланы не могли лететь столь медленно. Созданный в начале сентября 1941 г. на базе ВМАУ им. Сталина (командир майор В.И. Рассудков) 11-й шап с 22 сентября был включен в состав ВВС ЧФ. Самолеты И-5 полка вместе с машинами других типов действовали на Перекопе в основном ночью, а затем

¹⁴⁰ ЦВМА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 15. Л. 600.

при отступлении советских войск к Севастополю, используя преимущественно сложные метеоусловия. Если на 18 октября 1941 г. в полку имелось 18 исправных и 15 неисправных И-5, то к 7 ноября осталось 11 исправных и 8 неисправных «пятых».

Хотя 4-й германский авиакорпус вел теперь борьбу на широком фронте и вынужден был рассредоточить свои усилия, перебазирование части сил на крымские аэродромы позволило повысить эффективность ударов по нашим отходящим войскам, не давая возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Немецкие самолеты регулярно бомбили тыловые объекты, крупнейшие порты в Крыму и на Кавказе, корабли и суда... В конце октября – начале ноября бомбардировщики люфтваффе потопили транспорты «Делегат» и «Рот-фронт» (в Керченском порту), «Ураллес» (у берегов Евпатории), «Работник» (у мыса Сарыч), повредили крейсер «Ворошилов» (Новороссийский порт). Начались минные постановки в Цемесской бухте, где от подрыва затонули транспорт «Десна» и тральщик «Егурча». Но самый большой урон нанесли немецкие торпедоносцы.

Катастрофа построенного в 1928 г. теплохода «Армения», который с началом войны срочно переоборудовали в санитарно-транспортное судно, стала одной из крупнейших по числу жертв на море – по разным оценкам, погибло от 3500 до 10 000 чел. К началу ноября 1941 г. теплоход совершил 15 опасных рейсов, включая выполненные с ранеными на борту из Одессы. Теперь предстояло вывезти людей из осажденного Севастополя, прежде всего из штолен Инкермана, где находились тысячи раненых и медицинский персонал. По пути следования в Туапсе произошла задержка – заход «Армении» в Ялту и выход в море в светлое время суток имели роковые последствия. Надо также признать, что в этом и других случаях командование флота задачи по формированию конвоев и охраны пассажирских и госпитальных судов при переходе морем решало неудовлетворительно, воздушное прикрытие отсутствовало. Обратимся к свидетельству катерника с морского охотника М.М. Яковлева, который был свидетелем этой катастрофы:

«7 ноября, около 10 ч утра, в районе мыса Сарыч над нами пролетел немецкий разведчик, а через непродолжительное время над водой, на бреющем полете, едва не касаясь гребней волн (погода была штормовой, и нас болтало основательно), в этот район вышли два вражеских торпедоносца. Один из них начал делать разворот для торпедной атаки, а второй пошел в сторону Ялты. Открыть огонь мы не могли, так как крен катера достигал 45 градусов. Торпедоносец сбросил две торпеды, но промазал, и они взорвались в прибрежных камнях мыса Айя. Нас поразила сила взрыва – не видели мы до этого более мощного, и почти все разом промолвили, что если второй торпедоносец достанет «Армению», то ей несдобровать. Увы, так и случилось. После торпедирования транспорт продержался на плаву 4 мин. Спаслось лишь несколько человек...»¹⁴¹

Добавим, что на бортах и на палубе наших госпитальных судов ярко-красной краской были нанесены огромные кресты, хорошо видимые с воздуха даже в ненастную погоду, на гот-мачте был поднят большой белый флаг также с изображением международного Красного Креста. Однако это не мешало экипажам люфтваффе атаковать и топить их. История же применения немецких торпедоносцев на Черном море в 1941–1942 гг. (с августа 1941 г. действовал лишь один отряд 1/KG28, позже переименованный в 6/KG26) осталась «темным пятном» – даже в хронике эскадры, подготовленной Р. Шмидтом, этому и другим эпизодам, произошедшим у берегов Крыма, не посвящено ни строчки¹⁴².

¹⁴¹ *Непомянутый Н.Н.* 100 великих тайн Второй мировой/Засекреченная катастрофа транспорта «Армения».

¹⁴² *Schmidt R.* Achtung – Torpedo Los! (KG26). Koblenz, 1991.

20-мм зенитный автомат, установленный на полугусеничном тягаче.
Такие машины могли использоваться в передовых отрядах.

В то время как войска 51-й армии отходили на Керченский полуостров, Приморская армия вышла к Севастополю. Первому объединению не удалось закрепиться ни на одном рубеже, включая так называемые Ак-Монайские позиции, хорошо приспособленные к длительной обороне. Незначительные силы ВВС и ПВО в Керчи (две эскадрильи гидросамолетов и одна истребительная эскадрилья, шесть зенитных батарей 65-го зенитного артполка) мало что изменили в балансе сил. Ни П.И. Батову, ни прибывшему на его командный пункт вице-адмиралу Г.И. Левченко, ни присланному из Москвы представителю Ставки ВГК маршалу Г.И. Кулику не удалось организовать оборону Керчи, что имело для двух последних руководителей крайне негативные последствия – их отдали под суд, разжаловали, лишили наград.

Надо сказать, первую бомбардировку Керчи немцы предприняли 27 октября примерно в 14–15 часов. Пострадали многие городские здания, портовые постройки, склады, арсеналы. Взрыв одной из бомб, попавшей в баржу с боезапасом, привел к детонации и огромным разрушениям и потерям, особенно авиационного имущества и вооружения, более 100 чел. погибли или получили ранения. В последующие дни налеты «юнкерсов» и «хейнкелей» на Керчь стали обыденным явлением, но они не приносили урона, сравнимого с первым ударом. Под разрывами бомб и артиллерийским обстрелом войска 51-й армии в ночь на 16 ноября оставили Керчь, заняли косы Чушка и Тузла, стремясь не позволить врагу с ходу ворваться на Тамань.

Тем временем вернувшийся с Кавказа в Севастополь вице-адмирал Ф.С. Октябрьский распорядился вывести из Главной базы линкор «Парижская коммуна», крейсера «Ворошилов» и «Молотов», большинство эсминцев и подводные лодки, решив оставить лишь два старых крейсера с небольшим охранением. Решение вывести на Кавказское побережье главные силы зенитной артиллерии (остались только 61-й зенап и два отдельных дивизиона) представляется крайне несвоевременным накануне начала массированных налетов на город. Прибывший нена-

долго в Севастополь вице-адмирал Г.И. Левченко после ознакомления с обстановкой и состоянием обороны города с суши, его ПВО дал указание «продержаться дней семь-десять, чтобы эвакуировать все ценное из Главной базы»¹⁴³.

Подобные мысли вызвали серьезную обеспокоенность в Кремле. И.В. Сталин потребовал организовать стойкую оборону по типу Одессы, используя наличные силы армии и флота. На заседании Военного совета ЧФ было принято решение сформировать Севастопольский оборонительный район (СОР), разделить его на сектора. По получению директивы Ставки ВГК нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, почувствовав настроения неуверенности среди руководителей обороны Севастополя, их преувеличенный страх от угроз со стороны люфтваффе, желание поскорее перебраться на Кавказ, 8 ноября телеграфировал Военному совету ЧФ, подчеркивая, «что сейчас главной задачей является удержать Севастополь до крайней возможности. Так держался под артобстрелами и ударами авиации Таллин, так держался Ханко, так держали вы, черноморцы, Одессу, и мне непонятна нотка безнадежности в отношении Севастополя. На борьбу за Севастополь надо привлечь корабли, хотя условия для их базирования там будут труднее, но весь Северный флот в Полярном находится под ударом авиации, и фронт находится еще ближе. Севастополь можно и нужно защищать, и, пока оборона его не будет устойчивой, Военный совет должен быть там»¹⁴⁴.

Подтянув резервы, противник начал искать слабые места в обороне СОР. Готовился первый штурм Севастополя. Активизировалась его авиация, которая уже утром 12 ноября обрушила удары по жилым кварталам города, промышленным предприятиям, артиллерийским батареям, действуя подразделениями по 10–12 машин. Около полудня 23 Ju 88 из группы I/KG51 нанесли удар по кораблям в Главной базе, сосредоточив основные усилия на потоплении крейсера «Червона Украина». Он получил несколько прямых попаданий в палубу и около борта. Несмотря на самоотверженную борьбу личного состава за живучесть, крейсер затонул в ночь на 13-е. До этого «Червона Украина» три дня стояла у Графской пристани, не меняя места стоянки, что позволило провести неоднократное фотографирование немецким самолетам-разведчикам. Также в эти сутки получили тяжелые повреждения ремонтировавшиеся эсминцы «Совершенный» и «Беспощадный». Отныне корабли стали приходить в Севастополь только для выполнения боевых задач и, как правило, на утро уходили на Кавказ.

В ходе начавшегося штурма города от налетов пострадали многие военные объекты. Так, вскоре после полудня 16 ноября прямым попаданием двух тяжелых авиабомб были разрушены столовая, железнодорожная станция и подъездные пути, часть складских помещений Севастопольского морского завода им. С. Орджоникидзе. Директор этого оборонного предприятия Сургучев вспоминал: «Как только фашистские стервятники стали непрерывно бомбить цеха (зенитные орудия, установленные на самой территории завода, не всегда могли помешать прицельному бомбометанию), начальникам цехов было дано указание во время воздушной тревоги находиться на стационарном пункте медицины завода, расположенном в глубине горы, что рядом со штольной. Здесь, как и в самой штольне, люди были надежно защищены даже от прямого попадания одновременно нескольких крупных бомб...»¹⁴⁵

В эти дни летчики СОР оказали существенную помощь защитникам Севастополя, причем неоднократно в небо над Главной базой поднимался на «яке» командующий ВВС ЧФ генерал Н.А. Остряков, который несколько раз вступал в схватки с немецкими самолетами. Подлинным героем 16 ноября стал мл. лейтенант Я.М. Иванов из 32-го иап ВВС ЧФ. Участвуя в отражении массированного налета 39 немецких бомбардировщиков, он вел длительный бой, а затем, израсходовав боеприпасы, таранил винтом неприятеля – самолет, определенный как

¹⁴³ Моргунов П.А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 57.

¹⁴⁴ ОЦВМА. Ф. 72. Д. 793. Л. 100, 101.

¹⁴⁵ Сургучев М.Н. Корабли возвращаются в строй. Симферополь, 1978. С. 123.

До 215, разлетелся на куски от очень сильного удара. Но при этом, увы, погиб и Иванов – его «миг» рухнул в море в 5 км от берега у поселка Бельбек.

Добавим, что незадолго до этого, 12 ноября, Яков Матвеевич уже сбил одного бомбардировщика тараном. Немецкий самолет упал и взорвался, а Иванов благополучно посадил свой истребитель на аэродром. Тогда МиГ-3 пострадал незначительно: слегка погнулась лопасть винта, имелись некоторые другие небольшие повреждения. Это был первый случай на Черноморском флоте, когда летчику, совершившему воздушный таран, удалось сохранить свою машину. Также мл. лейтенант Я.М. Иванов стал первым на данном театре, кому 17 января 1942 г. присвоили звание Героя Советского Союза. Знакомство с немецкими документами приводит к выводу: 12 и 16 ноября усилиями самоотверженного советского летчика эскадра KG27 «Бельке» лишилась двух «хейнкелей» и 10 членов экипажа, один из которых попал в плен.

В период, когда ожесточенная битва за Москву достигла своей кульминации, Севастополь держался. Теперь усилия практически всей 11-й немецкой армии были сосредоточены на штурме Главной базы черноморцев. Еще несколько суток в документах появлялись примерно такие записи: «Бои... не прекращавшиеся всю ночь, с утра возобновились с новой силой...»¹⁴⁶ 17 ноября 1941 г. войска Южного фронта начали контрнаступление под Ростовом, и, чтобы парировать удар, немцам потребовалось направить на ростовское направление главные усилия 4-го авиакорпуса. Эффективность же применения нештатных авиагрупп СОР повысилась за счет более тщательной разведки и улучшения взаимодействия авиации с сухопутными частями. Несколько ударов по наземным войскам и аэродромам врага было нанесено с авиабаз Кавказа – наши авиаторы внесли посильный вклад в отражение первого наступления на Севастополь. 24 ноября 1941 г. соединения 11-й армии, исчерпав наступательные возможности, временно перешли к обороне.

¹⁴⁶ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 1. М.-Л., 1945. С. 237.

Глава 2

Оборона Севастополя. Десанты в крым

2.1 Отражение второго штурма Севастополя

Исаев А.В.

Оборона Севастополя стала одной из первых, если даже не первой темой, проработавшейся отечественной историографии. Первая работа, посвященная Севастополю в 1941–1942 гг., была выпущена еще во время войны, в 1943 г., и подготовлена в созданном по настоянию Б.М. Шапошникова военно-историческим отделом ГШ КА¹⁴⁷. Причины обращения именно к этой теме представляются очевидными: длительная, восьмимесячная, оборона Севастополя давала позитивный пример успешных оборонительных действий, на котором можно было учить войска. Широкая известность подвига Севастополя привела к появлению большого количества работ, так или иначе связанных с этой темой. Ключевое значение для отечественной историографии имела книга бывшего заместителя командующего СОР по береговой обороне П.А. Моргунова, написанная с привлечением широкого круга документальных материалов, как отмечал сам автор, «прежде всего Центрального Военно-Морского архива»¹⁴⁸. Огромная работа была проделана Г.И. Ванеевым, в ряде публикаций составившем подробную хронику боевых действий под Севастополем¹⁴⁹. До логического конца работа была доведена уже в постсоветский период¹⁵⁰. Вместе с тем серьезным недостатком советских и первых постсоветских работ был слабый учет данных противника. Они во многом опирались на мемуары бывшего командующего 11-й армией Э. фон Манштейна. Издание «Утерянных побед» стало важной вехой в исследовании темы, Манштейн уделил большое внимание боевым действиям в Крыму. Однако, как будет показано далее, в силу специфики жанра мемуары Манштейна содержали неполную, а иногда и недостоверную информацию. В связи с этим большим шагом вперед стала публикация М.Э. Морозова, посвященная воздушной битве за Севастополь и написанная с учетом документов обеих сторон. Исследование, в котором предпринимается попытка учесть немецкие и советские данные, предпринимается в 2014 г. Р. Форциком¹⁵¹. Несмотря на привлечение Форциком большого объема немецких первичных источников, советские документальные данные использовались в недостаточной степени.

Длительная оперативная пауза, возникшая во второй половине ноября и в начале декабря 1941 г., позволила советскому командованию привести войска в порядок и усилить оборону Севастополя в инженерном и артиллерийском отношении, а также накопить резервы. К 26 ноября 1941 г. войска СОРа занимали передовой рубеж обороны в следующей группировке¹⁵²:

I сектор – 2-я стрелковая дивизия. Комендант сектора – полковник П.Г. Новиков. Общая численность войск сектора – 4928 человек.

II сектор – 172-я стрелковая дивизия. Комендант сектора – полковник И.А. Ласкин. Общая численность войск сектора – 12 230 человек.

¹⁴⁷ Воробьев Ф.Д. Записки военного историка. М.: Onebook, 2010. С. 9–10.

¹⁴⁸ Моргунов П.А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979.

¹⁴⁹ Ванеев Г.И. Героическая оборона Севастополя. М.: Воениздат, 1969.

¹⁵⁰ Ванеев Г.И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В двух книгах. Киев: «Украина», 1995.

¹⁵¹ Forczyk R. Where the Iron Crosses Grow. The Crimea 1941–44. Osprey Publishing, 2014.

¹⁵² Моргунов П.А. Указ. соч. С. 146–147.

III сектор – 25-я стрелковая дивизия. Комендант сектора – генерал-майор Т.К. Коломиец. Общая численность войск сектора – 9350 человек.

IV сектор – 95-я стрелковая дивизия. Комендант сектора – генерал-майор В.Ф. Воробьев. Общая численность войск сектора – 9318 человек.

130-мм орудие, поднятое с погибшего крейсера «Червона Украина» и установленное на береговой батарее № 703.

Согласно сложившейся в Севастополе практике в состав стрелковых дивизий включались также части морской пехоты. Так, в подчинении IV сектора находились: седлавший Симферопольское шоссе 18-й отдельный батальон морской пехоты, 8-я бригада морской пехоты (5 батальонов) в районе деревни Аранчи, 90-й сп (3 батальона), занимавший оборону на левом фланге до берега моря, и 241-й сп в резерве сектора. Последний в тот момент (конец ноября) был только сформирован и находился на тыловом рубеже.

В целом гарнизон Севастополя на 20 ноября, считая все сухопутные и морские части, штабы и учреждения, составлял 62 237 человек, при этом на сухопутном фронте находилось 41146 человек¹⁵³. Резерв СОРа насчитывал 4884 человека, в том числе 7-я бригада морской пехоты – 2884 человека, 40-я кавалерийская дивизия – 1200 и местный стрелковый полк – 800.

Период с 1 по 16 декабря под Севастополем прошел в боях местного значения. Понимая уязвимость оторванной от основных сил Красной Армии базы флота, командование постоянно усиливало ее оборону. С 23 ноября по 16 декабря армейскими частями СОР было получено 6500 человек маршевого пополнения, а для пополнения частей морской пехоты – три батальона из состава 9-й бригады морской пехоты и до 1000 человек отдельных рот моряков для частей БО и ПВО¹⁵⁴. Так же как войска под Москвой и Ростовом, защитники Севастополя получили свежесформированное соединение – полностью укомплектованную 388-ю стрелковую дивизию (10 800 человек)¹⁵⁵.

¹⁵³ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 146–147.

¹⁵⁴ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 156.

¹⁵⁵ Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. Том 1. Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). М.: Воениздат, 1958. С. 420.

Позднее начальник штаба Приморской армии в мемуарах писал, что сразу обратил внимание на плохое владение русским языком бойцов прибывшей 388-й сд. Н.И. Крылов отмечал, что дивизия «укомплектована запасниками из глубинных районов Кавказа»¹⁵⁶.

В результате прибытия пополнения состав Приморской армии был доведен до пяти дивизий (четырёх стрелковых и одной кавалерийской), двух бригад морской пехоты и двух отдельных стрелковых полков. Помимо ранее действовавших батарей береговой обороны, было сооружено еще восемь стационарных батарей за счет орудий, снятых с кораблей Черноморского флота:

№ 112 (702) – два 130-мм орудия Б-13; лагерь училища Б0 на северной стороне;

№ 111 (701) – два 130-мм орудия Б-13; Малахов курган;

№ 113 (703) – два 130-мм орудия Виккерса; район Английского кладбища;

№ 114 (704) – два 130-мм орудия Виккерса; хутор Дергачи;

№ 115 (705) – два 130-мм орудия Виккерса; район станции Мекензиевы Горы;

№ 116 (706) – два 130-мм орудия Виккерса; район дачи Максимова;

№ 19 – два 152-мм орудия Кане; район совхоза № 10;

№ 2 – два 100-мм орудия Б-24; у Константиновского равелина.

Соответственно, 130-мм орудия системы Виккерса были сняты с затонувшего крейсера «Червона Украина», а 130-мм орудия Б-13 – с поврежденных эсминцев «Совершенный» и «Быстрый». Батареи укомплектованы личным составом этих кораблей. Тем самым оборона СОР была дополнительно усилена тяжелыми орудиями.

Инженерное оборудование характеризовалось следующими показателями (см. табл. 1). По приведенным данным видно, что усилия по инженерному оборудованию местности были достаточно равномерно распределены по секторам обороны с некоторым акцентом на III и IV секторы.

ТАБЛИЦА 1

Инженерные сооружения передового и основного рубежей обороны Севастополя по состоянию на 15 декабря 1941 г.¹⁵⁷

	Секторы				Всего
	I	II	III	IV	
Артиллерийские ДОТ и ДЗОТ, шт.	8	2	8	12	30
Пулеметные ДОТ и ДЗОТ, шт.	24	28	31	40	123
ПТ ров, пог. м	–	–	9500	4500	14 000
Противотанковые мины	2371	2380	1459	2813	9023
Противопехотные мины	2665	19 492	7873	13 528	43 558

Немецкой 11-й армии для решительного штурма Севастополя требовалось перегруппировать войска, которые до середины ноября вели бои за Керченский полуостров. Для обо-

¹⁵⁶ Крылов Н.И. Указ. соч. С. 349.

¹⁵⁷ Ванев Г.И. Указ. соч. Книга 1. С. 229.

роны полуострова были оставлены только корпусные части, штаб и одна 46-я пд под управлением XXXXII АК. Одновременно ввиду осложнения обстановки под Ростовом и начала зимнего контрнаступления Красной Армии командование ГА «Юг» потребовало перебросить под Ростов 170-ю и 73-ю пд¹⁵⁸. В итоге командующему 11-й армией Э. фон Манштейну удалось отстоять 170-ю пд, которая начала перебрасываться под Севастополь. Однако перегруппировка пеши́м маршем по дорогам Крыма требовала немало времени.

Германское командование достаточно хорошо осознавало трудности штурма Севастополя, оборона которого спешно укреплялась в течение наступившего затишья. В документах 11-й армии сохранилось письмо командира LIV корпуса генерала кавалерии Эрика Оскара Хансена, адресованное Э. фон Манштейну и являющееся ответом на некое обращение последнего. Хансен пишет о больших материальных затратах на сооружение порта и системы береговой обороны Севастополя и низкой вероятности отказа Красной Армии защищать все это. Он констатирует: «Нет никаких признаков того, что русские планируют сдачу крепости – об этом свидетельствуют донесения фронтовых подразделений и прочие имеющиеся сведения»¹⁵⁹. Судя по всему, среди командного состава 11-й армии имела место дискуссия о «кавалерийском наскоке» на Севастополь, попытке сокрушить оборону СОР стремительной атакой, от которого в итоге отказались.

Одновременно командир LIV корпуса указывал на опыт предшествующих боев, предполагавший упорную оборону частей Приморской армии: «Учитывая известную советскую методику обороны, следует ожидать, что русские будут самым упорным образом защищать каждое укрепление. Все укрепленные пункты придется захватывать по отдельности, возможно в рукопашном бою. Следует ожидать все новых контрударов. Из-за таких действий обороняющихся застряли все предшествующие атаки 50-й и 132-й пд»¹⁶⁰. То есть генерал Хансен высоко оценивал упорство обороны и ее активность. Все эти соображения заставили немецкое командование отказаться от наступления на Севастополь до накопления боезапаса и сосредоточения всех сил.

Хансен также достаточно скептически оценивал возможности артиллерийской поддержки штурма: «Хотя имеется некоторое количество тяжелейшей армейской артиллерии (хоть и опять с недостаточным количеством боеприпасов), однако количества необходимых для контрбатарейной борьбы тяжелых дальнобойных полевых гаубиц явно недостаточно. Поэтому нельзя сказать, что для атаки на крепость имеется хотя бы впечатляющая артиллерийская группировка». Как показали дальнейшие события, артиллерия действительно оказалась одним из слабых звеньев немецкой военной машины в декабрьском штурме Севастополя.

Основной идеей немецкого наступления стал удар, нацеленный на Северную бухту Севастополя. В своих мемуарах Э. фон Манштейн мотивировал это решение следующим образом: «...главный удар должен был наноситься с севера или северо-востока в направлении бухты Северной, следовательно, совсем не так, как наносили удар союзники в Крымской войне, когда они имели господство на море. Для нас важен был не город, а порт. Только на севере наша армия могла использовать свою мощную артиллерию для поддержки наступления»¹⁶¹. Кроме того, как подчеркивал Манштейн, «местность на южном участке – крутые скалистые горы – была чрезвычайно труднодоступной»¹⁶². Далее Манштейн писал о сложностях снабжения крупной артиллерийской группировки в случае сосредоточения главного удара на оси Ялтинского шоссе, а также возможности воздействия на него советского флота.

¹⁵⁸ Germany and the Second World War. Volume IV: The Attack on the Soviet Union. Oxford University Press. 1998. P. 628.

¹⁵⁹ NARA T312 R364 frame 7939958.

¹⁶⁰ NARA T312 R364 frame 7939959.

¹⁶¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 240–241.

¹⁶² Там же. С. 241.

28 ноября 1941 г. Франц Гальдер записал в своем дневнике: «Штурм Севастополя назначен на 8.12 (продолжительность штурма 4–5 дней)». По первоначальному плану Манштейна решительное наступление на Севастополь должно было начаться именно в этот день. Но хлынули дожди, которые сильно замедлили подготовку к наступлению.

На рубеже ноября и декабря 1941 г. немецкий «блицкриг» находился в глубоком кризисе. Немецкие войска в Крыму испытывали те же проблемы со снабжением, что и войска ГА «Центр» под Москвой. Обеспеченность боеприпасами значительно снизилась: снабжение 11-й армии ограничивалось одним-двумя эшелонами ежедневно¹⁶³. Подготовка к наступлению из-за всего этого затягивалась. Вместо 27 ноября начало штурма было отложено на декабрь.

Однако общая обстановка на советско-германском фронте оказывала влияние на боевые действия в Крыму. 13 декабря артиллерия 11-й армии начала обстрел советских позиций под Севастополем в рамках подготовки штурма, но новый командующий ГА «Юг» В. Рейхенау приказал отложить наступление на сутки ввиду необходимости задействовать авиацию для отражения советского наступления на восточном крыле 17-й армии¹⁶⁴. Манштейн отказался начинать наступление без поддержки пикировщиков, и штурм вновь откладывается.

В стратегическом смысле задачей нового наступления являлось высвобождение сил для начавшейся зимней кампании 1941/42 г. Согласно директиве Ставки фюрера от 16 декабря 1941 г., ГА «Юг» предписывалось удерживать занимаемый рубеж, но одновременно приказывалось: «Со всей энергией следует добиваться взятия Севастополя для того, чтобы высвободить резервы и перебросить их из Крыма на другие участки фронта группы армий»¹⁶⁵. Дата начала операции смещалась несколько раз. Неизменной оставалась главная идея наступления 11-й армии.

Для наступления на Севастополь немецкое командование выделило два корпуса – LIV (22, 132, 50 и 24-я пехотные дивизии) и XXX (72-я и 170-я пехотные дивизии и румынская горнострелковая бригада). Штурмовать оборону Приморской армии предполагалось по двум направлениям. LIV армейский корпус должен был наступать из района Дуванкоя вдоль долины реки Бельбек к северо-восточной оконечности Северной бухты. XXX армейский корпус должен был нанести скользящий удар из района юго-восточнее Чоргуни вдоль долины реки Черная. Следует отметить, что на распределение сил оказали влияние реалии начавшейся зимы и состояния транспорта. В ЖБД 11-й армии указывалось: «Выдвинуть 170-ю пд позади LIV АК невозможно. Учитывая нынешнее плохое состояние лошадей, дивизия не сможет преодолеть горную дорогу Ялта – Бахчисарай со множеством подъемов». Пехотные дивизии вермахта оснащались артиллерийским полком на гужевой тяге, и для них возможности лошадей были особенно актуальны. Соответственно, соединение вынужденно выдвигалось на направление вспомогательного удара (но на момент начала наступления 170-я пд еще не прибыла). На румынский горнострелковый корпус (4-я горнострелковая и 8-я кавалерийская бригады) была возложена задача охраны побережья¹⁶⁶. Также немецкое командование использовало румынский подвижный полк Корне для прикрытия промежутка от фланга ударной группировки LIV АК до берега моря. Численность соединений 11-й армии, участвовавших в штурме Севастополя, показана в табл. 2.

ТАБЛИЦА 2

¹⁶³ Там же. С. 242.

¹⁶⁴ Germany and the Second World War. Volume IV: The Attack on the Soviet Union. Oxford University Press. 1998. P. 628.

¹⁶⁵ Дашичев В.И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 354.

¹⁶⁶ Axworthy M. Third Axis. Fourth Ally. Romanian Armed Forces in the European War 1941–1945. Arms and Armour. 1995. P. 68.

Численность дивизий 11-й армии на 1 декабря 1941 г.^{167 168 169}

	Численность по штату ²	Численность (Iststaerke ³) на 1.12.41
22-я пд	18 405	13 297
50-я пд	16 804	12 656
72-я пд	16 215	10 735
132-я пд	16 933	12 373
24-я пд	–	14 776

По приведенным данным видно, что в наилучшем состоянии находилась 24-я пд (которая в итоге была поставлена на направление главного удара), но в целом к декабрю 1941 г. у немецких дивизий имелся значительный некомплект. При этом в среднем они были более многочисленными, нежели советские дивизии.

Германским командованием была собрана достаточно сильная артиллерийская группировка для штурма Севастополя. В ее состав входили 73 150-мм гаубицы sFH18, 28 150-мм трофейных чешских гаубиц, 25 150-мм гаубиц чешского производства (в составе румынских войск), 24 100-мм пушки завода «Шкода», 12 10-см пушек K18, 8 150-мм пушек K18, 8 240-мм гаубиц, 11 210-мм мортир, 4 305-мм мортиры чешского производства и 1 355-мм мортира M1¹⁷⁰. Однако эта артиллерия располагала недостаточным в сравнении с поставленными задачами запасом боеприпасов. Вечером 16 декабря все четыре дивизии LIV АК имели по 1,5 боекомплекта для легких и тяжелых полевых гаубиц, что составляло не слишком внушительную величину для штурма развитой обороны СОР. Корпусная артиллерия Хансена располагала в начале наступления 0,7–2 боекомплекта (для различных калибров разные цифры)¹⁷¹. Даже с учетом меньшего расхода боеприпасов тяжелой артиллерии ввиду узости решаемых задач цифры не впечатляющие. Имелись также сугубо технические проблемы. Так, позднее в докладе LIV АК по итогам боев указывалось, что «24-см гаубицы имели полубронебойные снаряды, которые не подходили для обстрела земляных укреплений»¹⁷² (очевидно, имеются в виду камуфлеты).

Основной проблемой обороняющей Севастополь Приморской армии, как и практически любых войск, решающих оборонительную задачу, было выявление направления главного удара противника. Бывший начальник штаба армии Н.И. Крылов вспоминал: «И 17 декабря, не располагая, к сожалению, достаточными разведанными, мы немало ломали голову над тем, какое из направлений вражеских атак следует считать главным. Вырисовывалось это постепенно»¹⁷³. Бывший командующий артиллерией Приморской армии Н.К. Рыжи писал: «Мы затруднялись определить, где именно противник нанесет теперь главный удар... Командование армии допу-

^{167 2} NARA T312 R364 frames 7939220, 7939221.

^{168 3} Зависела от приданных частей. (Прим. авт.)

^{169 4} Численность, включающая и боевые, и тыловые подразделения, а также раненых и заболевших.

¹⁷⁰ NARA T312 R1693 frame 36.

¹⁷¹ NARA T312 R364 frame 7939954.

¹⁷² NARA T312 R364 frame 7939955.

¹⁷³ Крылов Н.И. Огненный бастион. М.: Воениздат, 1973. С. 155.

стило определенный просчет, не использовав всех возможностей для усиления войск на этих направлениях»¹⁷⁴. Вскрылось направление главного удара уже после начала немецкого наступления. Вместе с тем, как справедливо отмечает П.А. Моргунов, «все резервы армии были сосредоточены на северном и северо-восточном направлениях, т. е. в III и IV секторах, где предполагался главный удар врага». Наиболее сильный резерв (388-я сд) располагался в районе Инкермана, с тяготением к северному участку обороны Приморской армии. 40-я кд и танковый батальон располагались в районе станции Мекензиевы Горы, также в непосредственной близости к III и IV секторам. То есть общая оценка плана немецкого наступления как удара с севера оказалась верной, хотя конкретный участок обороны, где последует удар, вскрыт не был. Также не была определена дата перехода противника в наступление.

Второй штурм Севастополя (в терминах советской историографии) начался на рассвете 17 декабря 1941 г. внезапным ударом немецких штурмовых групп. Первая запись в ЖБД 11-й армии за этот день гласит: «Наступление в полосе LIV АК начинается в 6.10 планомерно без артиллерийской подготовки»¹⁷⁵. Артиллерию предполагалось задействовать далее, поддерживая огнем атакующие части. В отечественной историографии принято описывать начало второго штурма с указанием на «короткую, но мощную артиллерийскую подготовку»¹⁷⁶.

Однако, согласно данным противника, схема перехода в наступление немецких войск была более сложной и не предполагала сильной артподготовки, предвещающей атаку пехоты. Как указывается в ЖБД одной из дивизий немецкой ударной группировки LIV АК, 24-й пд генерала фон Теттау, «еще в темноте начинается планомерное наступление глубоко эшелонированных штурмовых групп без артиллерийской подготовки. Они наступают через боевые порядки находящихся на позициях подразделений»¹⁷⁷. В ЖБД немецкой дивизии также отмечалось, что наступление оказалось для советских частей внезапным, вплоть до отправки части личного состава передовых рот в этот период на помывку в тыл (это было выяснено путем прослушивания телефонных линий).

Наиболее энергично и результативно продвигалась 22-я пд, наступавшая вдоль долины Бельбека. Именно здесь, на высотах южнее и севернее долины р. Бельбек, развернулись наиболее ожесточенные бои, в стыке III и IV секторов обороны города. Помимо 22-й пд здесь наступала также 132-я пд. 22-й дивизии удалось потеснить наши войска на 4–6 км. Командир 16-го пп 22-й пд Д. фон Хольтиц писал в мемуарах: «Успехи, достигнутые в первые часы, были значительными, но и потери оказались тяжелыми и болезненными»¹⁷⁸. Потери 22-й пд за 17 декабря составили 87 убитых, 21 пропавший без вести и 284 раненые¹⁷⁹.

¹⁷⁴ Басов А.В. Указ. соч. С. 109–110.

¹⁷⁵ NARA T312 R355 frame 7929469.

¹⁷⁶ Ванеев Г.И. Указ. соч. Книга 1. С. 147; Моргунов П.А. Указ. соч. С. 170.

¹⁷⁷ NARA T315 R797 frame 181.

¹⁷⁸ Хольтиц Д. Солдатский долг. Воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы. 1939–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2015. С. 104.

¹⁷⁹ NARA T314 R1342 frame 700.

Командующий ЧФ вице-адмирал Командир 24-й пд генерал-майор

Ф.С. Октябрьский. Ханс фон Теттау.

Самый сильный удар немцев пришелся по 8-й бригаде морской пехоты. Следует сказать, что бригада была в неплохой форме: на 16 декабря она насчитывала 3725 человек, располагала 23 станковыми, 31 ручным пулеметами, 24 82-мм минометами, 5 76-мм пушками¹⁸⁰. В оперразведсводке Приморской армии от 20.00 17 декабря без обиняков признавалось, что про-

¹⁸⁰ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 9. Л. 365.

тивник в полосе 8-й бригады «прорвал фронт [в] направлении г. Азиз-Оба, выс. 133, 3»¹⁸¹. Серьезный удар получил 241-й полк 95-й сд. Причем в оперсводке IV сектора уже в 15.00 17 декабря говорится о «мелких группах пр-ка», которые просочились до Камышловского моста, т. е. довольно глубоко в построение войск сектора¹⁸². Сам мост был взорван еще 10 ноября 1941 г. К исходу первого дня немецкого наступления в отношении подразделений 8-й бригады в оперсводке IV сектора употреблялись обороты «остатки» и «отошли»¹⁸³. Нельзя не отметить, что отход имел место на рубеж 2 км западнее Азиз-Оба, т. е. эта высота была уже в первые часы наступления захвачена немцами.

Однако оперсводки IV сектора на тот момент не в полной мере отражали обстановку. Имела место потеря управления, по крайней мере частичная. Истинные масштабы немецкого прорыва в первый день еще не были ясны командованию сектора и армии. Уже 17 декабря 1-й и 2-й батальоны 241-го сп попали в окружение и на следующий день выходили из него мелкими группами по 5–6 бойцов и командиров¹⁸⁴.

Тем не менее успех немцев 17 декабря не был повсеместным. Можно даже сказать обратное: успехи 22-й пд были исключением из правила. 50-му и 24-му пд корпусам Хансена, наступавшим с востока в направлении на бухту Северную, почти не удалось продвинуться в поросшей почти непроходимым кустарником гористой местности. Несмотря на общую внезапность наступления, одной из первых пришла в себя артиллерия СОР. В ЖБД 24-й пд отмечается: «С 7.30 мощный заградительный огонь артиллерии всех калибров»¹⁸⁵. Командование 24-й пд также было неприятно удивлено, «как быстро противник пришел в себя»¹⁸⁶. Противником 24-й пд стал 3-й морской полк подполковника С.Р. Гусарова, насчитывавший к 17 декабря 1144 солдата и командиров¹⁸⁷. Надо сказать, что в 24-й пд оценили, что перед ними моряки: «Противник перед левым крылом умело использует местность и выстроил связную систему ДЗОТов с гарнизонами из отборных частей (морская пехота), здесь его боеспособность очень высокая»¹⁸⁸. По итогам боев до 27 декабря одних МГ-34 моряки набрали 14 единиц.

В ЖБД 24-й пд советские инженерные сооружения описываются следующим образом: «Укрепления противника весьма устойчивы, имеют тройное перекрытие балками и возвышаются над землей всего на 50 см. Они находятся в кустарнике, так что контактные взрыватели неэффективны, а ручные гранаты повисают на ветвях. Гарнизон дзотов – до 14 солдат с большим количеством боеприпасов. Поскольку все укрепления прикрывают друг друга огнем, часто расположены на обратном склоне, подходы к ним заминированы, а гарнизоны сражаются очень упорно, бой за каждое укрепление занимает очень много времени и ведет к потерям»¹⁸⁹. Потери 24-й пд за 17 декабря составили 102 убитых, 31 пропавший без вести и 490 раненых¹⁹⁰. Результаты наступления при этом были достаточно скромные.

Наступающим немецким штурмовым группам удалось сбить с позиций левофланговые части III сектора обороны. 287-й сп¹⁹¹ 25-й сд оставил высоту 319,6. Был взят в клещи 3-й батальон 287-го сп 25-й сд, занимавший на вынесенной вперед позиции важную высоту 278,4

¹⁸¹ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 11. Л. 351.

¹⁸² ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

¹⁸³ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 7. Л. 80.

¹⁸⁴ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 7. Л. 84.

¹⁸⁵ NARA T315 R797 frame 181.

¹⁸⁶ Ibidem.

¹⁸⁷ ЦАМО РФ. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 19. Л. 156.

¹⁸⁸ NARA T315 R797 frame 182.

¹⁸⁹ NARA T315 R797 frame 182.

¹⁹⁰ NARA T314 R1342 frame 700.

¹⁹¹ Состав на 17 декабря 1076 человек.

(г. Яйла-Баш)¹⁹². Выдвинутые для контратаки две роты местного стрелкового полка успеха не имели. 2-й перекопский полк потерял безымянную высоту в 1,5 км южнее высоты 319,6¹⁹³.

Также сильной стороной советской обороны стал заградительный огонь артиллерии и минометов. В ЖБД 24-й пд указывалось: «В обороне принимают активное участие минометы и артиллерия противника, которые без колебаний ведут огонь, в том числе по собственным укреплениям»¹⁹⁴.

Здесь нельзя не отметить, что в первой советской работе, посвященной обороне Севастополя, обращалось внимание именно на управление огнем артиллерии в обороне. В частности, подчеркивалось, что защитниками Севастополя «особенно тщательно была подготовлена система неподвижного заградительного огня (ИЗО), закрывавшая выход из всех лощин, балок и других складок местности»¹⁹⁵. В последующем в литературе этому уделялось гораздо меньше внимания.

Система взаимодействия с артиллерией в Приморской армии к третьему штурму была усовершенствована по сравнению с ноябрьскими боями. Еще в первой советской работе по обороне Севастополя в 1943 г. писалось: «Вызов огня стал осуществляться не через штабы полков, а непосредственно в звене батальон-батарея. Открытие огня по вызову стало осуществляться через две минуты»¹⁹⁶. В связи с этим нельзя не обратить внимания, что в ЖБД 11-й армии в период декабрьского штурма большое внимание уделяется количеству вскрытых советских батарей и борьбе с ними.

Н.И. Крылов в мемуарах особо отмечает роль начальника штаба артиллерии Приморской армии Н.А. Васильева в организации эффективной системы управления огнем. Крылов писал о декабрьских событиях: «Майор Васильев планировал теперь огонь по единому в масштабе оборонительного района планшету, к которому привязывались все полевые и береговые батареи. Наблюдаемые с переднего края участки сосредоточенного огня и неподвижного заградительного были заранее пристреляны, а для ненаблюдаемых сделаны расчеты»¹⁹⁷. Одной из несомненных заслуг командования артиллерии Приморской армии стала организация надежной системы связи, в том числе проводной.

В ЖБД 11-й армии подчеркивалось трудное начало штурма: «Бои тяжелые и кровопролитные, повсеместно большие потери в командирах и штурмовых орудиях»¹⁹⁸. Полным провалом закончилась атака румынских частей в южном секторе. Для ее поддержки было израсходовано 5000 снарядов, но эффект артподготовки не был использован румынами, не сумевшими вовремя занять исходные позиции для броска вперед.

На вскрывшиеся направления ударов противника советским командованием были брошены резервы. В III сектор на восстановление целостности обороны 287-го сп направляется батальон 7-й бригады морской пехоты, во II сектор – оставшиеся части 7-й бригады, в IV сектор – 40-я кд. Однако наиболее сильным аргументом советского командования в 1941 г. являлись новые формирования. Именно они решали исход сражения, как это происходило под Киевом в августе 1941 г., в оборонительной и наступательной фазах битвы под Москвой и практически на всех направлениях на советско-германском фронте. Подготовка свежесформированных дивизий чаще всего оставляла желать лучшего. Боевого опыта у личного состава новых соединений в массе своей не было. Тем не менее у бойцов и командиров таких дивизий за плечами

¹⁹² ЦАМО РФ. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 19. Л. 171.

¹⁹³ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 11. Л. 353.

¹⁹⁴ NARA T315 R797 frame 182.

¹⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 38. Л. 2.

¹⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 38. Л. 3.

¹⁹⁷ Крылов Н.И. Указ. соч. С. 363.

¹⁹⁸ NARA T312 R355 frame 7929471.

было 2–3 месяца подготовки в тылу. Таким свежим формированием в составе Приморской армии являлась 388-я сд под командованием полковника А.Д. Овсеевко.

Первый приказ И.Е. Петрова, нацеленный на отражение нового штурма Севастополя, отданный в 2.15 ночи 18 декабря, с одной стороны, требовал «восстановить положение», с другой стороны, был достаточно осторожным. Командиру IV сектора В.Ф. Воробьеву передавались 40-я кд и один полк 388-й сд (773-й сп). Остальным частям 388-й сд предписывалось «занять и оборонять участок 90,0, Арт. Серп и Молот» и «быть готовым для действия в направлении хут. Мекензия и Камышлы»¹⁹⁹. Вместе с тем приходится констатировать, что приказ уже не отвечал сложившейся на фронте обстановке. Однако само по себе выдвижение резервов на угрожаемое направление позволяло влиять на обстановку.

Во второй половине дня 17 декабря первые части из резерва Приморской армии выдвигаются в IV сектор и с ходу вступают в бой. Генерал Воробьев докладывал, что 149-й кавполк в 17.30 контратаковал противника в направлении Азиз-Оба, но успеха не имел, отошел и занял оборону вместе с остатками подразделений 8-й бр МП. В ЖБД 11-й армии есть упоминание об этой контратаке, указывается, что артиллерия «разгромила контратаку противника силами 4 конных взводов и 8 рот вдоль дороги Любимовка – Мамашай. Контратакующие были рассеяны огнем нескольких батарей, не достигнув наших позиций. Противник повернул назад и отошел на юг»²⁰⁰. Формулировка заставляет сделать вывод о контратаке в конном строю, что не исключается, прецеденты в боях на советско-германском фронте имелись. П.А. Моргунов пишет об обстреле кавполка еще на подходе к фронту²⁰¹, но документами сторон это не подтверждается, состоялась именно контратака. Примерно к полуночи части 40-й кд полностью сосредоточились в распоряжении генерал-майора В.Ф. Воробьева.

Командир IV сектора ставит прибывшим частям задачу на контрудар, который должен был начаться в 7.00 18 декабря. Контратака 773-го сп 388-й сд на Азиз-Оба вместе с частями 40-й кд началась по плану, но успеха не имела. День 18 декабря проходит в целом спокойно, но наступательных задач войскам уже не ставится, IV сектор занимает оборону с вводом на рубеж Камышловского оврага 778-го сп 388-й сд. В оперразведсводке от 18 декабря командование Приморской армии оценивало потери своих войск за 17 и 18 декабря в 3300 человек убитыми и ранеными, из них почти половина (1400 человек) приходилась на 8-ю бригаду морской пехоты²⁰². Потери 22-й пд за 18 декабря, несмотря на успехи, оставались стабильно высоки и составили 69 убитых, 67 пропавших без вести и 232 раненых²⁰³.

Вводом в бой 388-й стрелковой дивизии обстановку в IV секторе удалось на какое-то время стабилизировать. Появление свежего соединения было вскоре обнаружено немцами. В ЖБД 11-й армии есть запись за 19 декабря: «Сегодня были обнаружены свежие силы противника, переброшенные с Кавказа, на фронте 22-й пд». Это стало одним из тревожных сигналов, но пока он не был воспринят и оценен германским командованием.

Однако война XX столетия требовала большого расхода боеприпасов. Выше указывалось, какую важную роль играл ИЗО в системе советской обороны Севастополя. При сохранении темпов расхода боеприпасов, какой наблюдался 17 декабря, в распоряжении защитников оставалось снарядов только на одни сутки. Потери Приморской армии за четыре дня боев составляли свыше 5 тыс. человек. Немецкое командование, судя по записям в ЖБД 11-й армии, обратило внимание на снизившуюся на второй день штурма активность советской артиллерии.

¹⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 7. Л. 79.

²⁰⁰ NARA T312 R355 frame 7929471.

²⁰¹ Моргунов П.А. Указ. соч. С. 173.

²⁰² ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 11. Л. 356.

²⁰³ NARA T314 R1342 frame 698.

Вместе с тем изучение немецких документов приводит к выводу, что успех 22-й пд в долине Бельбека оказался в целом незапланированным. Точнее, решительного успеха германское командование ожидало достичь в полосе 24-й пд. Позднее, в январе 1942 г., в докладе генерала Хансена по итогам неудачного штурма Севастополя указывалось: «При переносе центра тяжести в ходе наступления от 24-й пд к 22-й и 132-й пд необходимую перегруппировку не удалось произвести. Корпусная артиллерия вынуждена была остаться на тех позициях, которые она занимала к началу наступления, только наблюдательные посты удалось перенести. Из-за этого данные от наблюдателей поступали с задержкой по времени, что исключительно затрудняло стрельбу. В результате для успешного решения задач приходилось использовать несоразмерно большое число боеприпасов»²⁰⁴. Таким образом, удержание позиций III сектора заставляло противника использовать и без того ограниченный боекомплект неэффективно, стреляя на большую дальность (что по нормативам требовало большего расхода боеприпасов на те же цели). Необходимо отметить, что А.В. Басов ошибается, принимая направление, где достигнут немцами успех 22-й и 132-й пд за изначальное выбранное направление главного удара немцев²⁰⁵.

Вечером 19 декабря в Москву в адрес Н.Г. Кузнецова направляется донесение командира Главной базы ЧФ за подписями Г.В. Жукова и Н.М. Кулакова, которое можно назвать «паническим»²⁰⁶. Донесение многократно публиковалось, поэтому не имеет смысла приводить его целиком. В нем прозвучали, в частности, такие слова: «[В случае] продолжения атак противника в том же темпе гарнизон Севастополя продержится не более трех дней»²⁰⁷. Жуков и Кулаков указывали на исчерпание резервов, нехватку боеприпасов, подавление большинства береговых батарей. Впоследствии Н.М. Кулаков в своих мемуарах довольно точно пересказывал содержание донесения от 19 декабря 1941 г., а также его конструктивную часть: «Мы просили поддержать войска СОР одной стрелковой дивизией, авиацией, маршевым пополнением, срочной доставкой боезапаса»²⁰⁸.

Одной из причин столь тревожной оценки обстановки можно назвать взрыв одной из башен на 35-й батарее 17 декабря, в результате которого она была выведена из строя, погибли люди. Взрыв произошел по технической причине, но восстановление башни заняло 1,5 месяца. Незадолго до этого, 15 декабря, огнем тяжелой артиллерии противника на береговой батарее № 10 были выведены из строя два 203-мм орудия²⁰⁹. Это были серьезные удары по системе береговой обороны СОР, активно использовавшейся в сухопутных боях.

Эффект от донесения оказался куда большим, чем ожидали его авторы. Катастрофическая обстановка в Севастополе, обрисованная в докладе Жукова и Кулакова, произвела впечатление на Верховное командование. Уже в 1.30 ночи 20 декабря директивой Ставки ВГК № 005898 СОР подчиняется командующему Закавказским фронтом. Соответственно, Д.Т. Козлову сразу же ставилась задача «немедленно командировать в Севастополь крепкого общевойскового командира для руководства сухопутными операциями»²¹⁰.

²⁰⁴ NARA T312 R364 frames 7939955-7939956.

²⁰⁵ Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1987. С. 110.

²⁰⁶ Термин, использованный Б.М. Шапошниковым в отношении донесения командования ЮЗФ в период формирования киевского «котла».

²⁰⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 406.

²⁰⁸ Кулаков Н.М. Доверено флоту. М.: Воениздат, 1985.

²⁰⁹ ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 11. Л. 345.

²¹⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 341.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.